

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ**

М. М. Кухтин

**АКТУАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ
МИРОВОГО РАЗВИТИЯ**

Учебное пособие

Донецк
ГОУ ВПО «ДонНУ»
2020

УДК 327(072)
ББК С562.26р30
К 957

Рецензенты:

Бадалова Е.В., к.и.н., доцент кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»;

Черникова В.В., к.полит.н., доцент кафедры социологии и политологии ФГБОУ ВО «ВГУ»

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 2 от 6.03.2020 г.)*

Автор: Кухтин М.М.

К 957

Актуальные политические теории мирового развития:
учебное пособие.– Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020. – 107
с.

Главная цель учебного пособия – облегчить освоение студентами учебной дисциплины «Политические теории мирового развития», раскрыв ее основные темы, категориальный аппарат и очертив круг основных источников и литературы, необходимых для понимания соответствующих международно-политических проблем. В пособии учитывается новейший опыт преподавания социально-гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях, применяются прошедшие практическую апробацию авторские разработки.

Для студентов магистратуры направления подготовки 41.04.05 «Международные отношения».

УДК 327(072)

ББК С562.26р30

© Кухтин М.М., 2020

© ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ.....	13
2.1. Значение теории и методологии в исследовании политических проблем мирового развития.....	13
2.2. Спор рационализма и рефлексивизма в исследовании политических проблем мирового развития	21
2.3. Теоретические исследования мировой политики и международных отношений в США	28
2.4. Английская школа международных отношений.....	35
2.5. Франция: социология международных отношений.....	39
2.6. Развитие международных исследований в СССР и России	43
2.7. Геополитические мотивы в политических теориях мирового развития ..	48
2.8. Современные теории войны и мира	55
2.9. Конкурирующие теории мирового порядка	60
ГЛОССАРИЙ.....	67
ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА.....	80
ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ.....	86
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	90
РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	95
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ	103

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие призвано облегчить освоение учебной дисциплины «Политические теории мирового развития» студентами магистратуры направления подготовки 41.04.05 «Международные отношения». Оно в полной мере соответствует учебно-методическому комплексу и фонду оценочных средств дисциплины, помогает студенту оптимизировать работу с существующими учебниками и учебными пособиями, в ряде отношений дополняя их дидактический аппарат и методические рекомендации.

Актуальность учебного издания обусловлена особенностями самой дисциплины, которая призвана отражать и текущие, незавершенные международно-политические процессы. Кроме того, в современный период исследования мирового развития характеризуются методологическим плюрализмом и непрекращающимся соперничеством разнородных подходов и парадигм, не исключающим их частичного синтеза. Соответственно, структура и содержание учебной дисциплины должны регулярно обновляться. Новизна пособия обусловлена глубокой содержательной разработкой предлагаемых тем с акцентом на противоречивом генезисе и различных сценариях дальнейшего развития теории. Авторская концепция нашла свое отражение как в освещении отдельных фундаментальных вопросов, так и в общих композиционных принципах издания. Она основана на признании диалектического единства исторического и логического в исследованиях международных отношений, на строго системном подходе к изучению общественных явлений. Современные политические теории мирового развития рассматриваются в контексте истории идей, концептуальных истоков различных подходов. Раскрываются различные трактовки объекта, предмета и метода дисциплины, обсуждаются нерешенные научные проблемы, пути преодоления существующих между различными школами разногласий.

Издание может использоваться при овладении материалом курса в течение семестра, при подготовке к итоговому контролю знаний, в процессе самообразования. Структура издания отражает композицию учебно-методического комплекса и фонда оценочных средств дисциплины, что обеспечивает единство требований к результатам учебной деятельности студента.

Особое внимание следует обратить на список рекомендуемой литературы, указывающий перспективные направления углубленного изучения предмета. Приведенные информационные ресурсы ориентируют на самостоятельный поиск научных сведений с использованием новейших коммуникационных технологий.

Для более эффективного овладения материалом курса студенту

необходимы краткие сведения об историческом развитии теории международных отношений.

На рубеже XIX-XX вв. традиционная история дипломатии была раскритикована геополитиками и теоретиками империализма, отвергавшими ее сугубо описательный подход к изучаемому предмету и ложные нормативные установки. Геополитики изучали структуру мирового пространства, понимаемого как качественная категория, теоретики империализма делали акцент на изучении структуры мировой экономики.

«Отцом геополитики» считается английский географ Х. Д. Макиндер, выдвинувший концепцию «географической оси истории», под которой он понимал внутренние, лишенные доступа к судоходным морям и океанам районы Евразии. Их окружают внутренний и внешний полумесяцы. Морские державы внешнего полумесяца (в первую очередь, Великобритания) противостоят попыткам «центральной» державы (России) установить свой контроль над частями внутреннего полумесяца и добавить к своей огромной сухопутной мощи еще и морскую.

Автором термина «геополитика» является шведский ученый Р. Челлен. Он же поспособствовал формированию представления о государстве как стремящемся к экспансии квазиорганизме.

Видным теоретиком империализма был английский либерал Д. Гобсон. Он считал, что империализм возник из-за несправедливого распределения доходов в капиталистических странах. Данная политика (захват колоний, экспансия ТНК и т. д.) обусловлена «избытком» товаров и капитала на Западе. Социальная реформа, направленная на частичное перераспределение национального богатства, покончит с империализмом, который в большой степени является случайным феноменом.

Создатель более влиятельной (марксистской) теории империализма В. И. Ленин, напротив, доказывал, что империализм – это закономерная, высшая стадия развития капитализма и что покончить с ним и с капитализмом в целом сможет только пролетарская революция.

Первый «большой спор» в теории международных отношений шел во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Новый глобальный конфликт выявил всю несостоятельность версии политического идеализма, господствовавшей в межвоенный период. Лига наций не оправдала возложенных на нее надежд, мораль и право как регуляторы международных отношений были сильно переоценены либеральными теоретиками. В том числе и из-за ошибок анализа меры, принятые для предотвращения Второй мировой войны, оказались недостаточными. Реалисты стремились извлечь уроки из сложившейся ситуации и создать более адекватную фактам теорию. Они

настаивали на центральной роли государств в международной жизни и доказывали слабость, неэффективность международных организаций. Сила (понимаемая в военных и экономических терминах) является главным фактором международных отношений, а моральные и правовые нормы играют в них подчиненную роль. Государства мира стремятся реализовать свои национальные интересы, состоящие, главным образом, в выживании, сохранении и увеличении мощи и влияния. Чтобы обеспечить свою безопасность и достичь других внешнеполитических целей, государства заключают союзы. В системе баланса сил любой претендент на гегемонию сталкивается с противостоящей ему коалицией и, как правило, в итоге отступает. Именно баланс сил, а не международные организации и международное право, способен ограничить конфликты между государствами. При этом конфликтность и анархичность международных отношений – это их существенные, неустранимые черты, поскольку человек, по убеждению реалистов, по своей природе эгоистичен и властолюбив. Государства должны реально оценивать свою и чужую мощь, рационально отстаивать свои национальные интересы, не впадая в идеализм. По мнению реалистов, анализ внутренней политики государства несущественен для понимания его внешнеполитического курса, определяемого его интересами и способностью их защищать.

Неомарксисты творчески развили учение К. Маркса и Ф. Энгельса, однако их интерпретация марксизма сильно отличалась от официальной идеологии СССР. Представители данной школы делали акцент на критике буржуазного общества и исследованиях империализма. Они задались вопросом, почему экономические реформы в Латинской Америке редко дают желаемый результат, хотя целый ряд стран региона обладает и многочисленным трудолюбивым населением, и достаточными природными ресурсами, а их политические элиты достаточно компетентны.

Несоответствие результатов ожиданиям объясняется тем, что рассматриваемые страны уже включены в мир-систему и имеют в ней периферийный статус. Развитые капиталистические страны построили систему неокOLONиальной эксплуатации, которая поддерживается кабальными кредитами МВФ, деятельностью западных ТНК и компраторской буржуазии в развивающихся странах. Пока данный порядок сохраняется, любые попытки стран «третьего мира» достичь процветания и отстоять свой экономический и политический суверенитет будут пресекаться международной элитой. Чтобы покончить с эксплуатацией и угнетением, необходимо изменить систему в глобальном масштабе, реформы на уровне отдельных стран здесь не помогут.

Неомарксизм является частным случаем радикальной парадигмы международных отношений, сторонники которой подчеркивают неравноправный характер международного торгового обмена, зависимость слабых стран от сильных и призывают перестроить мировую экономику на более справедливых началах.

Неомарксизм тесно связан с так называемой критической теорией общества, объясняющей политические процессы, в частности, через призму концепций эксклюзивности/инклюзивности и проливающей свет на ряд гносеологических проблем.

В современной теории международных отношений доминируют два направления – неореализм и неолиберализм. Оба они признают центральную роль государства в современных международных отношениях, их системный и закономерный характер, называют, в принципе, одни и те же типы их акторов. Однако расхождения между теоретиками двух упомянутых школ остаются существенными.

Неореалисты акцентируют конфликтный потенциал современных международных отношений, неолибералы же подчеркивают тенденцию к укреплению сотрудничества. Первые считают силу главным фактором международных отношений, вторые отводят данную роль морали и праву. Ведутся споры о соотношении сил между государствами и акторами других типов, о границах международной анархии. Несмотря на перечисленные разногласия, у неореализма и неолиберализма достаточно точек соприкосновения для оправдания концепции «синтеза нео-нео», предсказывающей скорое появление единой теории.

Свои позиции сохраняет и неомарксизм, сторонники которого рассматривают структуру мировой экономики через призму классового подхода, указывают на империалистический характер внешней политики развитых капиталистических стран.

Меньшим влиянием пользуются конструктивизм, теории интеграции, международная политическая экономия, хотя их способность эффективно решать частные проблемы в целом признана научным сообществом. Сегодня теории международных отношений трудно успевать за стремительно меняющимися конкретно-историческими условиями. Глобальные сдвиги, происходящие в политике, экономике и жизни народных масс, требуют глубокого всестороннего осмысления, которое возможно на основе междисциплинарного подхода. От решения данной задачи зависит практическое значение теории международных отношений в будущем.

Прежде чем перейти к анализу структуры и содержания дисциплины, необходимо дать краткий очерк методологии политических исследований,

призванный сориентировать студента на пути самостоятельного овладения дисциплиной и творческой научной работы.

Политология опирается на методы социальных наук. Остается открытым вопрос о том, располагает ли она специфическими, доступными только ей методами исследования. Некоторые считают, что политические исследования по необходимости эклектичны, основаны на сочетании методик, свойственных разным гуманитарным наукам. Впрочем, использование политологами общенаучных методов и критериев достоверности уже предохраняет их от многих заблуждений и неверных выводов. Особого упоминания заслуживают анализ и синтез, индукция и дедукция, абстракция, компаративный и системный подходы.

Изучение сложных объектов предполагает их мысленное расчленение на ряд более простых, выделение в них аспектов, наиболее интересных в свете заявленной темы исследования. Описание множества частных случаев позволяет классифицировать изучаемые явления и отделить их существенные черты от несущественных. После завершения анализа выполняется синтез – создание общей картины явления на основании сделанных частных выводов.

В политических науках неизбежно преобладание индуктивного метода над дедуктивным. Здесь ученый имеет дело с отдельными явлениями, из которых можно выводить статистические закономерности. Обратным приемом следует пользоваться с осторожностью – в гуманитарных науках практически невозможно предсказать явление или процесс, руководствуясь чисто априорными соображениями.

Рассмотрим специально-научные методы, выделяемые большинством политологов, – хронологический, синхронный, диахронный, типологический, исторический, сравнительно-исторический, историко-социологический, эмпирический и количественный.

Применение хронологического метода позволяет составить периодизацию изучаемых событий, упорядочить их в зависимости от цели исследования. В качестве вспомогательных методов используются синхронный и диахронный. Суть первого состоит в изучении параллельных событий, суть второго – в намеренном сопоставлении событий, относящихся к разным периодам.

Широко используется типологический метод, позволяющий выделить существенное в изучаемых явлениях и разделить их на относительно однородные по составу группы. Создание типологии объектов является необходимой предпосылкой для их сравнительного анализа. Таким образом, компаративный подход можно рассматривать как продолжение типологического.

Политолог не должен забывать о принципах объективности, системности и

историзма. Требование объективности предполагает использование инструментария, позволяющего отделить представления исследователя о предмете от самого предмета. Наибольшие шансы на успех дают количественные методы обработки данных, поскольку статистика наименее подвержена искажениям при истолковании в рамках предвзятой концепции. Согласно теории систем, любое явление необходимо рассматривать в контексте его среды, от которой исходят требования и поддержки. Система есть совокупность элементов и отношений между ними, в своем развитии она может проходить точки бифуркации, в которых малейшее воздействие может привести к скачкообразному изменению ее структуры. Системный подход незаменим, когда речь идет о сложных, многоуровневых, самоорганизующихся объектах, таких как государство, общество, система международных отношений и так далее. Американский исследователь Д. Истон сделал весомый вклад в развитие теории систем. Принцип историзма требует всестороннего учета различных этапов становления объекта, отчасти позволяющего объяснить его наблюдаемое состояние.

Исторический метод позволяет исключить проявления волюнтаризма и субъективизма из политологии и практической политики. Изучение конкретно-исторических условий помогает получить целостное представление о той или иной эпохе.

Большая советская энциклопедия определяет сравнительно-исторический метод следующим образом: «Сравнительно-исторический метод, научный метод, с помощью которого путём сравнения выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений; разновидность исторического метода». Упомянутый метод часто связывают со структурно-функциональным анализом, который определяется как «принцип системного исследования социальных явлений и процессов как структурно расчленённой целостности, в которой каждый элемент структуры имеет определённое функциональное назначение». Из приведенных определений можно сделать вывод, что верность принципам системности и историчности совершенно необходима при применении компаративного подхода, предполагающего установление признаков сходства или различия двух или более предметов.

В политологии очень важен эмпирический метод, поскольку только опытные данные могут подтвердить или опровергнуть теоретические положения, выдвинутые на основании некой системы априорных принципов. Он предполагает использование количественных приемов обработки информации, среди которых следует назвать контент-анализ и статистический

метод.

Существуют различные классификации методов познания. Выделяют, например, методы эксперимента, наблюдения, методы обработки эмпирических данных, построения научной теории, изложения научных результатов и так далее. Также методы делят на философские, общенаучные и специально-научные. Третья их классификация содержит всего две категории – количественные и качественные. Сейчас растет взаимозависимость между науками, приобретают популярность междисциплинарные исследования. Соответственно, открывается возможность синтеза методов разных наук, даже далеких друг от друга.

В политологии способ познания зависит от конкретной парадигмы, единой универсальной теории в ней нет, хотя ряд общенаучных методов признается всеми школами политической науки. Часть из них была подробно рассмотрена выше, о других стоит упомянуть здесь – имеются в виду моделирование, наблюдение, особенности правильного мышления, изучаемые логикой. Рассмотрим моделирование подробнее. Данный метод состоит в построении и исследовании аналога реального политического объекта. Моделирование применяется в тех случаях, когда изучение самого объекта невозможно или затруднительно. Примерами такого рода могут служить отдельные механизмы или фрагменты политической системы и политические институты.

Методы науки не появляются сразу в готовом виде, они проходят долгий и непростой путь исторического развития. Некоторые историки науки выделяют следующие периоды становления политологии: классический (дедукция, морально-аксиологический и логико-философский методы), институциональный (сравнительно-исторический и нормативно-институциональный методы), бихевиористский (количественный анализ), постбихевиористский (сочетание старых и новых подходов).

В политологии представляется целесообразным разделить исследовательские методы на две группы: традиционные и новые. Традиционные были описаны выше, сейчас необходимо кратко охарактеризовать новые:

1) Бихевиоризм (от англ. behavior – поведение) исследует поведение индивидуумов во время выборов, при принятии политических решений и так далее. Он видит политический процесс как взаимодействие и соперничество групп, заинтересованных в обладании ресурсами власти. Сторонники данного подхода используют достижения разных наук, в первую очередь – психологии. Они стремятся как к теоретическому анализу, так и к выработке практических рекомендаций. Бихевиоризм делает акцент на систематическом наблюдении за

политическими процессами и их повседневным воздействием на социальные и политические структуры.

2) Теория групп. По мнению американских исследователей А. Бентли и Е. Херринга, политика – это, прежде всего, борьба групп. Данная школа много внимания уделяет изучению внутригруппового взаимодействия, структуры и характера групп, стремится классифицировать их на основе прозрачных и строгих критериев.

3) Метод политической коммуникации, которая представляет собой обмен мнениями о политике между лицами и группами лиц. Люди могут общаться лично, через произведения искусства, научные работы, средства массовой информации. Данное направление анализа разрабатывал, в частности, видный немецкий политолог К. Дойч.

4) Теория игр помогает построить достоверные модели поведения политических лидеров, проливает свет на процесс переговоров и механизмы принятия политических решений. Формализованные методы, существующие в рамках данного подхода, отличаются точностью, широким охватом материала и ориентацией на практику.

5) Кибернетический метод состоит в анализе информационных потоков, обратных связей и коммуникативных механизмов, характерных для изучаемой политической системы.

6) Коммуникативный метод направлен на изучение способов и форм общения людей, участвующих в политической жизни общества.

7) Политико-культурные методы проливают свет на субъективные предпочтения элит и народных масс, взаимодействие которых определяет облик данного общества.

Для политологии важна разница между методами и методиками. Метод отражает мировоззрение исследователя, разделяемые им идеи и ценности. Методика – это лишь сумма по преимуществу технических приемов сбора и обработки эмпирических данных.

Ученым удалось открыть множество закономерностей, управляющих политическими процессами, но о законах политологии, подобных законам физики, говорить пока рано. Гипотетический характер предлагаемых политологами объяснений проявляется, в частности, в том, что на их основе невозможно точно предсказывать будущие события. По мнению французского ученого М. Дюверже, политическая наука не может претендовать на большее, чем разоблачение обмана и заблуждений.

Таким образом, для успеха в политических исследованиях необходимо не только владение методами познания, но и понимание их возможностей и границ. Ученый не должен создавать априорных моделей, не учитывающих

эмпирические факты. Он не должен впадать и в противоположную крайность – просто описывать факты, не пытаясь объяснить их, связать в единую систему. Объект, предмет и методы политологии пока очерчены нечетко, она еще не скоро будет соответствовать критериям научной достоверности, принятым в точных науках, но это не является поводом для пессимизма.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

2.1. Значение теории и методологии в исследовании политических проблем мирового развития

«Объективная реальность, существующая вне и независимо от попыток ее познания субъектом, составляет объект исследования. В процессе познания любой исследователь вычленяет в объекте лишь главные и наиболее существенные (с точки зрения данного исследования) свойства и признаки, совокупность которых и составляет предмет исследования. Хотя противопоставление объекта и предмета исследования можно считать относительным, однако, следует обратить внимание на нетождественность этих понятий.

Прежде всего, объективная реальность отражается в научном знании неизбежно с некоторым "запозданием". Кроме того, выделение основных характеристик объекта и "перенесение" их в процессе познания на предмет требуют упрощения реальности или, по словам К. Холсти, "редуцирования сложности". Тем самым объект исследования представляется в предмете несколько "искаженным". "Человеческое познание дает, как известно, лишь условную, приблизительную картину мира, никогда не достигая абсолютного знания о нем ... – отмечает П. А. Цыганков. – Во всякой науке в той или иной мере неизбежно "присутствует" человек, привносящий в нее определенный элемент "субъективности". Таким образом, теоретическое знание имеет дело с определенной формой идеализации, посредством которой объективная реальность осваивается сознанием. Совокупность признаков и характеристик объекта преобразуется в сознании в особый предмет мысленного анализа. Основные свойства и признаки идеализированных абстрактных объектов лишь приблизительно верно отображают таковые реальных объектов.

Еще раз подчеркнем, что предмет исследования включает в себе наиболее существенные свойства и признаки объекта. Но выделение тех или иных свойств и признаков объекта в качестве главных или наиболее существенных предполагает некое априорное представление о международных отношениях, "выделение этого явления из круга других ему подобных или смежных с ним". Если мы обратимся к некоторым распространенным определениям международных отношений, то в их несовпадении можно усмотреть различия в том, что рассматривается в качестве наиболее существенных свойств и признаков объекта.

Одно из определений принадлежит французскому социологу Р. Арону. Он определяет международные отношения как "отношения между политическими единицами, имея в виду, что данное понятие включает

греческие полисы, римскую или египетскую империи, как и европейские монархии, буржуазные республики или народные демократии ... Содержанием международных отношений являются, по преимуществу, отношения между государствами: так, бесспорным примером международных отношений являются межгосударственные договоры".

Иное определение долгие годы бытовало в советской научной литературе по проблемам международных отношений. С точки зрения марксистско-ленинской науки международные отношения определялись как "совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных связей (общений, сношений) и обоюдных отношений между народами, между государствами и системами государств, между основными социальными, экономическими и политическими силами и организациями, которые действуют на международной арене. Главную, определяющую роль при этом играют классовые отношения, и международная политика любой исторической эпохи отражает важнейшие характеристики и специфические особенности, которые проистекают из расстановки классовых сил, характерных для данной эпохи. Международные отношения той или иной эпохи обусловлены характером соответствующей общественно-экономической формации и государств, экономическими и политическими интересами господствующих в них классов".

И еще одно возможное определение: международные отношения характеризуются как "совокупность интеграционных связей, формирующих человеческое сообщество". Это определение дано с платформы общечеловеческих интересов. Эта логика приемлема, если пытаться "охватить человечество в целом" при трактовке международных отношений. В нем отрицается суверенность, самостоятельность национальных государств в условиях целостного, взаимозависимого мира, что подразумевает строительство нового международного политического порядка "на основе учета и согласования их интересов, на базе готовности всех участников мирового сообщества поставить общечеловеческие интересы выше любых других".

Следует обратить внимание на то, что все три приведенные выше определения преследуют одну и ту же цель – дать первичное представление о международных отношениях как об объекте исследования в рамках нашей дисциплины. Однако выделяемые этими определениями свойства и признаки объекта оказываются далеко не совпадающими. Закономерен вопрос, означает ли это, что лишь одно из определений является истинным, а другие ложными? В разнообразии определений международных отношений проявляется то, что каждый исследователь пытается выявить сущность объекта, но смотрит на мир под своим особым углом зрения. К. Холсти проводит сравнение между

подходом исследователя и взглядом через различные линзы. "Когда мы исследуем мир, – пишет он, – мы смотрим через разные линзы. Линзы – это концепции, которые организуют наше исследование. Если мы думаем, что международная политика характеризуется главным образом [таким понятиями] как власть, конфликт и война, то это приводит нас к исследованию определенных феноменов, таких как безопасность, сдерживание, агрессия, идеология и т.д. Если же, напротив, мы считаем мир, в сущности, благодатным местом, тогда мы с большей вероятностью будем искать свидетельства международного сотрудничества, гуманитарной деятельности, значения международного права и т.д.". Иными словами, признаемся ли мы себе в этом или нет, любое наше исследование не свободно от подобных "линз" и базируется на некоторых предположениях о сущности международных отношений. Эти базовые допущения в значительной мере определяют выбор тех моментов действительности, которые принимаются нами во внимание и рассматриваются как существенные»¹.

«Проблема метода – одна из наиболее важных проблем любой науки, так как в конечном счете речь идет о том, чтобы научить, как получать новое знание, как применять его в практической деятельности. Вместе с тем это и одна из самых сложных проблем, которая и предваряет изучение наукой своего объекта, и является итогом такого изучения. Она предваряет изучение объекта уже потому, что исследователь с самого начала должен владеть определенной суммой приемов и средств достижения нового знания. Она является итогом изучения, ибо полученное в его результате знание касается не только самого объекта, но и методов его изучения, а также применения полученных результатов в практической деятельности. Более того, исследователь сталкивается с проблемой метода уже при анализе литературы и необходимости ее классификации и оценки.

Отсюда неоднозначность и в понимании содержания самого термина «метод». Он означает как сумму приемов, средств и процедур исследования наукой своего предмета, так и совокупность уже имеющегося знания. Это значит, что проблема метода, обладая самостоятельным значением, в то же время тесно связана с аналитической и практической ролью теории, которая также играет и роль метода.

Распространенное мнение о том, что каждая наука имеет свой собственный метод, верно лишь отчасти: большинство социальных наук не имеют своего специфического, только им присущего метода. Поэтому они так или иначе преломляют применительно к своему объекту общенаучные методы

¹ Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 15-17.

и методы других (как социальных, так и естественно-научных) дисциплин. В данной связи принято считать, что методологические подходы политической науки (в том числе и международных отношений) строятся вокруг трех аспектов:

- как можно более строгое отделение исследовательской позиции от морально-ценностных суждений или личных взглядов;
- использование аналитических приемов и процедур, являющихся общими для всех социальных наук, что играет решающую роль в установлении и последующем рассмотрении фактов;
- стремление к систематизации, или, иначе говоря, к выработке общих подходов и построению моделей, облегчающих открытие «законов».

И хотя при этом подчеркивается, что данное замечание не означает необходимости «полного изгнания» из науки ценностных суждений или личных позиций исследователя, тем не менее передним неизбежно встает проблема более широкого характера – проблема соотношения науки и идеологии. В принципе та или иная идеология, понимаемая в широком значении – как сознательный или неосознанный выбор предпочтительной точки зрения, – существует всегда. Избежать этого, «деидеологизироваться» в этом смысле нельзя. Интерпретация фактов, даже выбор «угла наблюдения» и т. п. неизбежно обусловлены точкой зрения исследователя. Поэтому объективность исследования предполагает, что исследователь должен постоянно помнить об «идеологическом присутствии» и стремиться контролировать его, видеть относительность любых выводов, учитывая такое «присутствие», стремиться избегать одностороннего видения. Наиболее плодотворных результатов в науке можно добиться не при отрицании идеологии (это в лучшем случае заблуждение, а в худшем – сознательное лукавство), а при условии идеологической терпимости, идеологического плюрализма и «идеологического контроля» (но не в смысле привычного нам по недавнему прошлому контроля официальной политической идеологии по отношению к науке, а наоборот – в смысле контроля науки над всякой идеологией).

Сказанное касается и так называемой методологической дихотомии, которая нередко наблюдается в международных отношениях. Речь идет о противопоставлении так называемого традиционного историко-описательного, или интуитивно-логического, подхода операционально-прикладному, или аналитико-прогностическому, связанному с применением методов точных наук, формализацией, исчислением данных (квалификацией), верифицируемостью (или фальсифицируемостью) выводов и т. п. В этой связи, например, утверждается, что основным недостатком науки о международных отношениях является затянувшийся процесс ее превращения в прикладную науку.

Подобные утверждения страдают излишней категоричностью. Процесс развития науки является не линейным, а, скорее, обоюдным: происходит не превращение ее из историко-описательной в прикладную, а уточнение и коррекция теоретических положений через прикладные исследования (которые, действительно, возможны лишь на определенном, достаточно высоком этапе ее развития) и «возвращение долга» «прикладникам» в виде более прочной и операциональной теоретико-методологической основы.

Действительно, в мировой (прежде всего, американской) науке о международных отношениях с начала 1950-х гг. происходит усвоение многих релевантных результатов и методов социологии, психологии, формальной логики, а также естественных и математических наук. Одновременно начинается и ускоренное развитие аналитических концепций, моделей и методов, продвижение к сравнительному изучению данных, систематическое использование потенциала электронно-вычислительной техники. Все это способствовало значительному прогрессу науки о международных отношениях, приближению ее к потребностям практического регулирования и прогнозирования мировой политики и международных отношений. Вместе с тем это отнюдь не привело к вытеснению прежних «классических» методов и концепций»².

«Возникнув на стыке различных подходов и научных дисциплин, мировая политика наиболее тесно связана с международными отношениями и политологией. Первой исторически сформировалась политология, которая стала заниматься внутривнутриполитическими проблемами.

Международные отношения (англ.: international relations) как научная дисциплина возникла после окончания Первой мировой войны. Английский исследователь Дж. Грум (J. Groom) пишет, что изначально в качестве главных вопросов рассматривались тесно связанные проблемы: изучение «причин войны» и «условий мира». «Целью новой академической дисциплины, – продолжает Дж. Грум, – стало выяснение сущности процессов, которые привели европейскую цивилизацию к катастрофе Первой мировой войны». Вопросы войны и мира, а в более широком плане – вопросы взаимодействия государств стали основными в исследованиях по международным отношениям.

В последующие годы круг вопросов, которыми стали заниматься международные отношения, расширился. После Второй мировой войны внимание к международным отношениям значительно усилилось, и дисциплина получила интенсивное развитие.

² Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 46-48.

Четкое разделение сфер внешней и внутренней политики в рамках Вестфальской системы мира привело к тому, что изучение политики также оказалось «разделенной», и обе научные дисциплины развивались самостоятельно, т. е. без интенсивного взаимодействия друг с другом, хотя их представители нередко работали на одном факультете. В результате формировались отдельные профессиональные сообщества, как на национальном уровне, так и на международном ...

В конце 1960-х Дж. Розенау (J. Rosenau) обращает внимание на то, что в результате деятельности ТНА внешняя и внутренняя политика начинают представлять собой во многом единую реальность. Отталкиваясь от этой идеи, Р. Кохэн (R. Keohane) и Дж. Най (J. Nye) в 1972 г. во введении к книге «Транснациональные отношения и мировая политика» (Transnational Relations and World Politics) показали, что взаимосвязи как во внешней среде, так и на внутригосударственном уровне оказываются весьма сложными и не ограничиваются лишь межгосударственным взаимодействием. Более того, меняется сама государственно-центристская политическая система мира. Данная работа стала одним из важнейших этапов формирования мировой политики как науки.

Создание мировой политики нельзя считать заслугой одних неолибералов. Во-первых, сам термин использовался давно, а начиная с 1940-х годов в США выходит журнал «Мировая политика» (World Politics). Во-вторых, что особенно важно, другие классические теории международных отношений – неореализм и неомарксизм – также внесли свой вклад. Неореалисты, прежде всего К. Уолтц (K. Waltz) в работе «Человек, государство, война», одними из первых в 1950-е годы стали внимательно относиться к вопросам структуры и заговорили о целостности политической системы мира. При этом К. Уолтц использовал термин международная политика (англ.: international politics). Впрочем, понятие «мировая политика» также распространено среди неореалистов, например, оно вынесено в заглавие книги Х. Булла (The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics).

Неомарксисты, в частности И. Валлерстайн (I. Wallerstein) и его сторонники, подчеркивают целостность политического мира на глобальном уровне, описывая его как мир-систему, хотя сам термин «мировая политика» для них не характерен. В исследованиях марксистского, а затем и неомарксистского направления прослеживается идея, которая затем получила развитие в мировой политике, – это представления о единстве внешней и внутренней политики.

Таким образом, все три классические теории международных отношений исходили из целостности политической системы мира. Однако для

неореалистов политическая система представлена межгосударственными отношениями, для неолибералов – межгосударственными отношениями и отношениями других транснациональных акторов, для неомарксистов – классовыми отношениями и разделением государств мира по политико-экономическому уровню развития на тех, кто составляет ядро, полупериферию и периферию. При таком различии в понимании того, что собой представляют структурные единицы политической системы мира, построить единую научную дисциплину очень сложно.

Становление мировой политики как научной дисциплины во многом связано с журналом «Международная организация» (International Organization), который появился в конце 1940-х. Он собрал вокруг себя авторов, занимавшихся такими, достаточно традиционными, вопросами, как деятельность транснациональных корпораций, финансы, торговля в мире и т. п. Развитие этих исследований привело к необходимости изучения международной системы в целом, взаимосвязи экономических и политических процессов, взаимодействию внутренней политики с международной экономической средой.

Все эти исследования проходили в годы холодной войны, когда большинство западных специалистов в области международных отношений уделяли мало внимания изучению политических аспектов экономических процессов. Видя в коммунизме основную угрозу, они сосредоточились на исследовании вопросов обеспечения безопасности или так называемой политике высокого уровня (англ.: high politics). Проблемы экономики в тот период уходили на второй план, получив название политики низкого уровня (англ.: low politics). Кстати сказать, аналогичные исследовательские приоритеты были и в советской науке»³.

«Проблема международных отношений в последние годы приобретает все большую остроту в смысле ее теоретического осмысления, прогнозирования и моделирования. Это закономерно, поскольку, несмотря на усилия всего прогрессивного человечества предотвратить войны, их число не уменьшается, наоборот, они интенсифицируются, приобретают новые формы, возникают новые очаги напряженности, иные виды конфликтов, терроризм приобрел невиданные дотолле масштабы. Никуда не исчезла проблема неокOLONиализма, хотя сам термин ныне не употребляется.

Необходимость новых подходов к теоретизации международных отношений вызвана не только безусловной актуальностью темы, но и относительной однобокостью и стагнацией современной теории

³ Лебедева М. М. Мировая политика: учебник для вузов / М. М. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с. – С. 109-111.

международных отношений. В теоретизации международных отношений в целом и целом торжествует либеральная мысль, что не случайно. «Конец истории», а по-другому – развал социалистической системы обусловил такое состояние умов современности, когда Запад, чаще всего в лице наиболее активной его части – США, видится единственной силой, способной управлять миром, решать конфликты, навести порядок и вообще быть символом всего «прогрессивного человечества».

Геополитические идеи, претендующие на то, чтобы быть основаниями межобщественных отношений, на самом деле лишь обслуживают те отношения, которые диктует «золотой миллиард». Здесь можно привести некоторые ключевые метафоры геополитики: а) стимулы, движущие государством – инстинкт самосохранения, стремление к власти (Р. Челлен); б) доктрина «морской мощи» (А. Мэхэн); в) закон психической и физической силы – первая заповедь геополитики (Дж. Киффер); г) внешняя политика – борьба за власть, начатая суверенными нациями в погоне за национальным превосходством (Г. Моргентау); д) теории «баланса сил», «центров сил», «вакуума» сил. Понятие «граница государства» дополняется понятием «граница национальной безопасности», поэтому, по У. Липпману, «граница американской безопасности лежит везде, где поставлен на карту американский интерес». По Х. Маккиндеру, хартлэнд – ядро Мирового острова (Евразия), где центральное стратегическое положение находится у России; кто господствует в Восточной Европе, тот правит мировым островом, миром. Позднее, в 1943 г. Х. Маккиндер к хартлэнду добавил атлантическое образование – США плюс Западная Европа. По Н. Спайкману, видоизменения обуславливают «океанический пояс Земли», римлэнд (Западная Европа, Ближний Восток). Можно назвать и множество других теорий: это теории «биполярной структуры», «вакуума сил», «блоковой политики», «массированного возмездия», «гибкого реагирования», «размыва биполярности», «многополюсная» теория и т. д.

Иными словами, здесь царит либо довольно эффективный, но весьма произвольный, своего рода континентальный (в смысле – глобальный) географический детерминизм, либо сплошной политизм служения той или иной практической геополитике в глубокомысленной форме беспристрастных теоретических исследований. «Вакуум сил», так сказать, теоретических. «Формационное» здесь не снято, а просто уступило место диспозитивным «континентам», «океанам», «островам» и пр.

Относительно теоретическая ветвь, связанная с «международным», началась с географии, но уже в новом смысле. Сюда относятся исследования международных отношений (Г. Моргентау, Р. Арон, Р. Розенкранц и др.),

международного конфликта (К. Райт, К. Боулдинг и многие другие), проблематика «большого пространства» (Ш. Н. Айзенштадт, Э. Шилз и др.), мондиализм (Т. Монбриаль, Ж. Аттали и др.), тематика Америка – Евразия (Й. Лохаузен и др.) или антимондиализм (Ж. Тириар и др.). В целом все эти соображения «вьются» вокруг глобальной «географии», «геополитики», «международных отношений», «конфликтологии», «большого пространства», «империологии», «мировой системы» и др.»⁴.

2.2. Спор рационализма и рефлексивизма в исследовании политических проблем мирового развития

«Окончание холодной войны стало новым стимулом для дискуссий о характере и закономерностях международных отношений. "Вильсоновские" идеи прочно заняли свое место в мессианского измерения риторике высшего американского руководства, ратующего за установление "нового мирового порядка". Обращаясь к Генеральной Ассамблее ООН в октябре 1990 г., Президент США Дж. Буш провозглашал: "Перед нами встает видение нового партнерства наций, перешагнувших порог "холодной войны". Партнерства, основанного на консультациях, сотрудничестве и коллективных действиях, особенно через международные и региональные организации. Партнерства, объединенного принципом и властью права и поддерживаемого справедливым распределением расходов и обязанностей. Партнерства, целью которого является приращение демократии, приращение процветания, приращение мира и сокращение вооружений". Столь же громогласно звучали либеральные идеи "расширения демократии" из уст Президента Б. Клинтона: "В новую эру опасностей и возможностей нашей всепоглощающей целью должно стать расширение и усиление мирового сообщества стран демократического характера, опирающихся на рыночную экономику... [М]ы стремимся расширить круг наций, которые живут при наличии свободных институтов, ибо нашей мечтой является тот день, когда мнения и энергия каждого человека на свете найдут полное самовыражение в мире бурно расцветающих демократических стран, сотрудничающих друг с другом и живущих в мире".

Но, пожалуй, самым ярким выражением оптимизма по поводу триумфа либерализма стала статья Френсиса Фукуямы "Конец истории?" "...[Э]тот век, вначале столь уверенный в триумфе западной либеральной демократии, возвращается теперь, под конец, к тому, с чего начал, – пишет автор, – не к

⁴ Белоусова К. А. К вопросу о теории международных отношений / К. А. Белоусова // Власть. – 2015. – № 8. – С. 125-127. – С. 125-126.

предсказывавшемуся еще недавно "концу идеологии" или конвергенции капитализма и социализма, а к неоспоримой победе экономического и политического либерализма". Триумф западной идеи автор связывает с тем, "что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив", а переживаемый исторический период является периодом завершения "идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления".

Оптимизм наблюдался и в среде реалистов, рассматривавших крах биполярности как американский триумф и делавших акцент на резком изменении в распределении власти в мировом масштабе. Чарльз Краутхаммер, например, усматривает черты "однополярного момента" в ситуации, сложившейся после окончания холодной войны и настаивает на том, что американская мощь достигла своего апогея. Он акцентирует ответственность США как единственной сверхдержавы за поддержание стабильности в мире и недопущение сползания к хаосу, который может принести с собой многополярность. Целый ряд его коллег, объединивших свои исследования в сборнике, посвященном переосмыслению проблем безопасности, опубликованном в США в 1992 г., настаивали а том, что в новой ситуации однополюсного мира безопасность может быть гарантирована исключительно военной мощью США. О гегемонии США в конце XX в. однозначно говорит и З. Бжезинский, нацеливая политическое руководство страны на использование превосходства США для удержания контроля над "великой шахматной доской" Евразии. Г. Киссинджер, в отличие от многих своих американских коллег, ту же ситуацию после окончания "холодной войны" не оценивает однозначно как "однополюсный" или "моносверхдержавный" мир. "Соединенные Штаты, – пишет он, – на деле находятся не в столь блестящем положении, чтобы в одностороннем порядке диктовать глобальную международную деятельность". Г. Киссинджер усматривает в новой ситуации черты, напоминающие европейскую многополюсную систему XVIII-XIX вв. Вместе с тем, с его точки зрения, победа США в "холодной войне" "налагает на них нелегкую, но вполне посильную миссию единственного лидера в поддержании равновесия сил в мире".

Оптимизм, порожденный у ряда исследователей окончанием "холодной войны", разделялся далеко не всеми. "Кто-то, – замечает Дидье Биго, – дает волю своему пессимизму", и связан он с тоской по биполярному порядку. "Порядок, конечно, малоудовлетворительный, но все же это – порядок с его двумя уравновешивающими друг друга лагерями, террором ядерной угрозы и нерушимостью границ ... Можно было думать, что за биполярностью последует новый мировой порядок, но этого не произошло. Биполярность уступила место

разобщенному, разорванному, разрозненному миру ..." "Слом" биполярности означает ни что иное, как наступление эры беспорядка. Эта идея является лейтмотивом достаточно нашумевшей статьи Джона Мирсхаймера "Назад в будущее". Постбиполярный мир является, с его точки зрения, более нестабильным и более опасным в силу того, что этот многополюсный мир без тормозов не исключает возможности военного использования атомного оружия.

Угроза, которую рисует Сэмюэль Хантингтон, иного рода: столкновение цивилизаций, с его точки зрения, станет "доминирующим фактором мировой политики". "Я полагаю, – пишет он, – что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям". Облик мира будет формироваться взаимодействием крупных цивилизаций, и современные условия делают столкновение цивилизаций неизбежным. Запад находится на вершине своего могущества, и это делает центральной осью мировой политики конфликт между "Западом и остальным миром". Самый яркий вызов западным интересам, ценностям и мощи бросает конфуцианско-исламский блок.

Как видим, картины и прогнозы весьма разнообразны. Но интересно замечание Дидье Биго относительно того, что объединяет все эти на первый взгляд несовместимые проекты. "События на рубеже 90-х гг., – пишет он, – подорвали позиции стратегов и акторов сферы безопасности, минимизировали роль их специфических знаний в управлении внешней угрозой, которая служила основой их символической власти и социальной легитимности". Иными словами, воссоздание или изобретение новой угрозы является попыткой вернуть себе былое влияние и социальный статус, а "... ставшие популярными тезисы имеют, таким образом, наименьшее отношение к целям познания и объяснения социальной действительности и наибольшее – к целям власти и легитимизации в рамках мира безопасности".

Принимая этот аргумент во внимание, не следует, однако, считать, что названные нами "проекты" не имеют отношения к действительности. Они часто опираются на весьма добротный анализ современного мира, а многозначность их выводов достаточно ярко свидетельствует о том, что мир переживает "переходный возраст". Отправной точкой для упомянутых нами исследований чаще всего является ситуация, связанная с окончанием "холодной войны" и концом эры идеологического противостояния в "формате" биполярной

системы. Однако в настоящее время мы переживаем и кризис более глубокого порядка, связанный с трансформацией Вестфальской системы в целом. Часто ситуация определяется как общесистемный кризис, характеризующийся качественным преобразованием системы. В этой ситуации, неопределенность в научных исследованиях вполне объяснима и, возможно, даже и необходима: она стимулирует поиск и является почвой, на которой возможно "произрастание" новых концептуальных построений.

Весьма интересна в этом смысле концепция "турбулентности в мировой политике" Джеймса Н. Розенау. Вторую половину XX в. он определяет как период "турбулентных" изменений, затрагивающих ключевые параметры системы международных отношений – иными словами, международная система переживает период качественных изменений. Сегодняшняя ситуация представляет собой "бифуркацию", порождающую "два мира мировой политики", функционирующих по своим собственным "непересекающимся" законам. Параллельно "государство-центричному" миру формируется и вступает в свои права "полицентричный мир" множества акторов. По замечанию Дж. Розенау, этот новый мир еще не настолько силен, чтобы полностью вытеснить традиционный мир, в котором "правила игры" заданы государственными акторами. Однако ситуация конца XX в. уже не может определяться в классических категориях Вестфальского мира. Автор оставляет вопрос о том, каков будет результат переживаемых нами процессов турбулентных изменений, открытым»⁵.

«В рамках данной традиции между линией Канта и Витория, с одной стороны, и линией Гроция – с другой, есть одно существенно важное различие. Речь идет о том, что М. Уайт назвал различием между революционаризмом и рационализмом. Сторонники революционаризма настаивают на приоритете моральных норм и неотъемлемых и вечных, а потому естественных прав человека: «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти», – утверждал И. Кант. Поэтому, по его мнению, «политические максимы, какие бы ни были от этого физические последствия, должны исходить не из благополучия и счастья каждого государства, ожидаемых от их соблюдения, следовательно, не из цели, которую ставит перед собой каждое из этих государств (не из желания), как высшего (но эмпирического) принципа государственной мудрости, а из чистого понятия правового долга, принцип которого дан аргіогі чистым разумом».

Сторонники рационализма подчеркивают значение правовых норм, разработанных и принятых государствами в процессе их общения. Базируясь на

⁵ Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 91-93.

общечеловеческих нравственных универсалиях и неотъемлемых правах и свободах личности и представляя собой их кодификацию, эти нормы вместе с тем отражают сложившиеся в практике межгосударственных отношений подходы к вопросам войны и мира, не подлежат пересмотру в произвольном порядке и не допускают их нарушения без серьезных последствий для международного порядка и стабильности. Указанное различие, как мы увидим в дальнейшем, приобретает исключительную важность в свете проблемы так называемого гуманитарного вмешательства и концепции кооперативной безопасности»⁶.

«Цивилизация, чьим базовым принципом является свободная индивидуальность, превращает диалог в основную форму межчеловеческого общения. В этом смысле правильнее говорить не о диалоге цивилизаций, а о цивилизации диалога. Только такая цивилизация и заслуживает названия универсальной цивилизации, способной объединять людей в масштабе всего человеческого рода. Здесь каждый независимо от своего происхождения и места проживания обретает право свободного общения со всеми теми, в ком испытывает потребность в качестве продолжения и дополнения своей собственной жизни. И чем шире круг такого общения, тем богаче диапазон жизни.

Универсальная цивилизация предполагает тем самым не ликвидацию культурных барьеров, а свободный доступ к каждой из культур со стороны того, кто пожелает. Она ликвидирует границы не между культурами, а между людьми, которые получают право свободно перемещаться из одного культурного пространства в другое, подобно тому, как мы перемещаемся сегодня из одной местности в другую. Универсальность этой цивилизации состоит, следовательно, не в том, что она связывает людей какой-то одной общей для них культурой, а в том, что наделяет каждого индивида правом свободно избирать свою культурную нишу, т. е. его открытостью, толерантностью к самым разным культурам. Диалогические отношения – это всегда отношение равенства между культурами, в силу которого любая из них может стать «моей культурой». То, что индивид считает здесь «своей культурой», определяется исключительно его личным и свободным выбором. В этом, собственно, и состоит, на мой взгляд, решение проблемы цивилизации, если рассматривать ее в масштабе всей человеческой истории»⁷.

«Выстраивать международную теорию в России следует, руководствуясь

⁶ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 103.

⁷ Межуев В. М. Цивилизация или цивилизации? (к спорам вокруг понятия цивилизации) / В. М. Межуев // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 40–52. – С. 50.

пониманием наличных условий развития страны и мира и тем, какие решения предлагались русской мыслью в аналогичных условиях. Можно выделить три наличных, относительно долговременных условия мирового развития. Во-первых, это связанная со становлением многополярности политическая и экономическая неустойчивость мира. Во-вторых, это диктуемая задачами российской модернизации потребность в новых зарубежных технологиях и инвестициях в национальную экономику. В-третьих, продолжающийся кризис российской идентичности и ослабление системы русских ценностей. Каждое из этих условий обсуждалось в русской международной теории, причем различные традиции и школы предлагали свои способы на них реагирования. Державники обращали внимание на развивающуюся в мире систему союзов и полюсов, западники вели речь о модернизации, а третьеримцы о возрождении ценностей. Хотя полноценное синтезирование рекомендаций различных традиций было бы невозможно – слишком глубоко имеющиеся между ними понятийные и идеологические различия – современная международная теория должна стремиться к максимально интегральному осмыслению отмеченных условий. Только такая интеграция может стать надежным компасом для движения в глобальном мире.

В заключение намету лишь один из возможных синтезов различных традиций русского мышления в целях формирования образа желаемого глобального будущего. С точки зрения трех отмеченных условий российского развития оптимальным было бы соединение умеренного изоляционизма и прагматического сотрудничества с внешним миром в целях создания условий для внутренней модернизации и преодоления ценностного кризиса. Первые два условия указывают на необходимость выработки международной мыслью возможностей создания незатратной системы безопасности и сфер глобального привлечения инвестиций в российскую экономику. Третье условие указывает на необходимость формирования достаточного материального и идейного пространства для широкого обсуждения вопроса о ценностях. Вопрос о том, какие из русских ценностей следует мобилизовывать и развивать в современных условиях для обустройства России и мира, должен стать центральным в русской международной теории. Думаю, что в обсуждении данного вопроса важно понимание относительной независимости своей системы ценностей от ценностей других народов и цивилизаций. Русские ценности и культурные ориентации не могут быть суммированы в понятиях «Запад», «Евразия», «Евровосток» и т. п. Эти понятия тяготеют к принижению культурного предназначения России, страны с многовековым опытом, особой геополитической идентичностью и миссией поддержания культурно-цивилизационного и политического баланса в мире. Очевидно и то, что русские

ценности глубже определяемых элитами ориентаций и относятся к народу в целом, выступающему основным субъектом и целью всех предпринимаемых властью реформ и внешнеполитических начинаний.

При этом нет оснований противопоставлять одну систему ценностных ориентаций другой: в трансконтинентальной стране, какой является Россия, западничество может сочетаться и даже органически соединяться с плодотворным сотрудничеством с другими частями мировой системы. Россия может сближаться как с Западом, так и Востоком, оставаясь при этом Россией. Осознание себя в качестве цивилизации с самостоятельной системой политико-экономических, исторических и культурных ценностей не означает, что у России нет общих ценностей с другими странами и регионами. Цивилизации не только конкурируют, но и пересекаются и активно взаимодействуют друг с другом. У России, как страны, находящейся на географическом пересечении Запада, Востока и Азии, имеются особые возможности для диалога с другими. Ценностные системы могут выстраиваться на различных уровнях. В каких-то аспектах России будет легче находить общий язык с одними странами, а в каких-то – с другими. Например, в вопросах прав человека и либеральной демократии трения с западными странами будут неизбежны, но у России есть немало общего с Западом с точки зрения общей истории, культуры и стремления создавать ответственное государство. Подобного рода ценностные иерархии следует выстраивать и в отношениях с другими странами. В целом мир ценностей будет напоминать не хантингтоновскую картину столкновения цивилизаций, а сложную картину их взаимопересечения и иерархического взаимодействия.

В содержательном плане российские ценности должны быть сформулированы не как противоречащие идеалам державничества или западничества, а как делающие их реализацию возможной на более широком культурно-цивилизационном основании. Державничество и стремление к демократии должны быть интегрированы в российскую систему ценностей как необходимые, хотя и недостаточные условия. От демократии следует не отказываться, а встраивать ее в свой культурно-смысловой контекст и систему национальных приоритетов. Кстати, за пределами западных стран демократия играет значимую роль, но редко находится в центре государственного развития. Ведь наряду с демократией и защитой основных прав граждан, государство обязано гарантировать стабильность, выполнение значимых социальных программ и безопасность от внешних угроз.

Со временем на основе широко обсуждения будет выработана новая концепция российских ценностей. Имея в виду уже сделанное в русской самобытной теории, очевидно, что такая концепция будет учитывать идеи

духовной свободы, социальной справедливости и трансэтнического единства. Будучи сформулированы, российские ценности не только станут руководством к практическому действию, но и будут прописаны в российской внешнеполитической доктрине как подлежащие защите и распространению, подобно тому как ценности либеральной демократии прописаны во внешнеполитической доктрине США. Со временем станет возможным ориентироваться не только на отстаивание, но и активное распространение российских ценностей в мире. Без такой ориентации внешняя политика обречена на идеологически оборонительный характер, реагируя на вызовы западной и иных цивилизаций»⁸.

2.3. Теоретические исследования мировой политики и международных отношений в США

«"Отсроченной победой" "второго большого спора" считают трансформацию классического реализма середины XX в. и оформление его в виде неореализма в конце 1970-х гг. Последнее связывают с выходом в 1979 г. книги Кеннета Уолца "Теория международной политики".

Ревизионистская сторона неореализма заключалась, прежде всего, в отказе от попыток вывести рациональную теорию из понимания природы человека. Объяснение социального взаимодействия неореалисты отказываются основывать на психологических данных, акцентируя свое внимание на факторах социального порядка. Но более существенной стороной трансформации классического политического реализма в неореализм является стремление последнего "систематизировать", по словам Р. Кеохейна, политический реализм и создать "строгую системную теорию международной политики". Сохраняя основные категории классического политического реализма – сила, национальный интерес, борьба за власть и другие, – неореализм стремится к обогащению его достижениями системной теории. Как отмечал К. Уолц, с тем чтобы понять суть происходящего в международной политике, необходимо показать, "насколько действия и взаимодействия государств, а также результаты этих действий и взаимодействий могут быть объяснены силами, которые проявляются на уровне системы, а не на уровне элемента".

⁸ Цыганков А. П. Российская теория международных отношений: какой ей быть? / А. П. Цыганков // Сравнительная политика. – 2014. – № 2 (15). – С. 65-83. – С. 77-79.

Напомним, что одна из основных идей системного подхода – это посылка об основополагающей роли структуры системы в познании ее законов. Структура "создается" взаимодействием элементов, и в свою очередь она оказывает влияние на действия акторов. Тот или иной результат взаимодействия элементов в рамках системы обусловлен не их особенностями, а свойствами структуры. "В определении международно-политических структур мы рассматриваем государства вне зависимости от того, какие традиции, привычки, цели, желания и формы правительства они имеют, – пишет К. Уолц. – Мы не спрашиваем, является ли государство революционным или легитимным, авторитарным или демократическим, идеологическим или прагматическим. Мы абстрагируемся от всех атрибутов государств, за исключением их возможностей ... Мы абстрагируемся от каких-то особых качеств государств и от всех их реальных связей. Что получается – это позиционная картина, общее описание ... порядка, определенного в терминах положения элементов, а не в терминах их качеств". Иными словами, структура системы понимается К. Уолцем как распределение возможностей для элементов в рамках системы. "Власть оценивается исходя из сравнения возможностей различных элементов [системы]. Хотя возможности являются атрибутами элементов, распределение возможностей ... является системной категорией". Структура системы выступает как "принуждающая сила". Смысл последнего утверждения поясняет Джон Ругги: когда международная система сформирована, она "становится силой, которую акторы не могут контролировать; она ограничивает их поведение и становится между намерениями государств и результатами их действий". Иными словами, структура системы ограничивает "свободу действий" государств и во многом предопределяет результат их взаимодействия. Причем структурные свойства международной системы фактически не зависят от каких-либо усилий малых и средних государств, они являются результатом взаимодействия великих держав. "Теория, как и история, международной политики написана в терминах великих держав", – отмечает К. Уолц. В международной политике, как и в любой другой системе, основанной на принципе "самопомощи", акторы, обладающие наибольшими возможностями устанавливают "правила игры" для себя и всех других.

Следует также отметить, что сегодня понимание международной системы, свойственное неореализму, является широко распространенным, и системная теория международных отношений нередко отождествляется именно с ним.

И вновь вернемся к хронологии развития науки о международных отношениях.

В конце 1960-х–1970-е гг. политический реализм подвергался все большей критике, на этот раз – за его "модель" мира. Политический реализм критиковали за его исключительное внимание к вопросам межгосударственной борьбы за власть и за его слепоту к тем политическим процессам, которые протекают внутри государства, в транснациональной плоскости и вне рамок военно-политической сферы. Иными словами, если раньше роль государства как центрального актора международных отношений не ставилась под сомнение, то в период третьей волны "больших дебатов" этот вопрос находился в центре дискуссий. Часто рамки третьей волны определяют как противостояние "государство-центричной" парадигмы политического реализма и нового направления исследований – транснационализма.

"Транснационализм" (как и в случае с "модернизмом", этот термин используется как собирательное название для целого ряда концепций) исходил из того, что идеи политического реализма и свойственная ему этатистская парадигма более не соответствуют характеру и современным тенденциям международных отношений. С точки зрения транснационалистов, государство, теснимое множеством других акторов – международными организациями, включая неправительственные, транснациональными предприятиями, общественными движениями и даже отдельными индивидами, – более не является единственным и даже не центральным актором в международных отношениях. Да и сами международные отношения далеко выходят за рамки традиционных межгосударственных взаимодействий, основанных на национальных интересах и силовом противоборстве. Иными словами, в анализе транснационалистов государство лишается своей монополии, а само международные общении получают иное "наполнение": из

"интернационального" (т. е. межгосударственного в строгом этимологическом значении) оно превращается в транснациональное, т. е. "осуществляющееся помимо и без участия государств".

В рамках "транснационального" направления исследований получили свое развитие несколько концепций. Одна из них разрабатывала проблемы наднациональной политической интеграции. Опираясь на достижения функционализма середины XX в. (Д. Митрани), неофункционалисты (Эрнст Хаас, Леон Линдберг и др.) исследовали ненасильственные меры по созданию больших по масштабам политических образований – иными словами, внимание ученых было приковано к добровольному созданию больших политических объединений, которые сознательно воздерживаются от использования силы в отношениях между составляющими его единицами. В центре внимания

неофункционалистов стоял вопрос, каким образом и в силу каких причин государства добровольно "теряют" некоторые атрибуты своего суверенитета, одновременно приобретая новые средства для урегулирования конфликтов между собой. Интеграция чаще всего понималась неофункционалистами как процесс, посредством которого лояльность политических акторов нескольких национальных образований смещается в сторону нового наднационального центра принятия решений, который и становится центром политической активности. Таким образом, в центре внимания неофункционалистов находились проблемы "эрозии" суверенитета современного национального государства.

...

Если неофункционалистская концепция делала акцент на наднациональном "измерении" международных отношений, то в центре внимания ученых – разработчиков концепции "комплексной взаимозависимости" находились отношения транснациональные.

Возникновение этой концепции связывают с именами Роберта Кеохейна и Джозефа Ная, выпустивших в 1977 г. свою книгу "Власть и взаимозависимость". В ней они пытались показать ограниченность модели политического реализма в анализе современных международных отношений. Следует отметить, что в работе речь не шла о полном отказе от традиционной модели, авторы лишь подчеркивали, что при анализе некоторых ситуаций в современном мире она становится неуместной. Р. Кеохейн и Дж. Най говорят о появлении новых черт международно-политического процесса, подчеркивая усиление взаимного влияния между странами или между акторами в разных странах. Этот феномен и получил в их работе название "комплексной взаимозависимости". Термин "взаимозависимость", ставший столь распространенным в последние десятилетия, в работе Р. Кеохейна и Дж. Ная имеет определенный смысл: он относится к тому, "в какой степени события, происходящие в одной части ... системы, оказывают влияние на события, происходящие в других частях ... системы". Авторы выделяют три ключевые характеристики "комплексной взаимозависимости": наличие "множественных каналов", соединяющих общества – не только межгосударственных, но и трансправительственных и транснациональных; отсутствие строгой иерархии среди политически актуальных вопросов, что приводит к тому, что социально-экономические проблемы могут быть столь же важными, как проблемы военной безопасности; в ситуациях, которые могут быть определены как

проявления "комплексной взаимозависимости", военная мощь имеет тенденцию к снижению своей роли в разрешении конфликтов»⁹.

«... спор между неореалистами и неолибералами начался в дискуссии между государственным центризмом и транснационализмом и затем разгорелся с новой силой в полемике между плюралистической и неореалистской парадигмами в 1980-х гг. ... С начала 1990-х гг. данный спор, по мнению многих исследователей, стал самым значимым в развитии международной теории, и, конечно же, ему уделяется огромное внимание в одном из ведущих американских журналов «Международная Организация». Вплоть до последних лет внимание дискутирующих сторон было сосредоточено главным образом на следующих шести пунктах ...

– Природа и последствия анархичности международных отношений (отсутствие верховной власти и вытекающая из этого необходимость для каждого государства рассчитывать только на себя). Неореалисты считают, что анархия накладывает на поведение государств жесткие ограничения и принуждения. Для неолибералов эти ограничения и принуждения, хотя и существуют, но не являются непреодолимыми.

– Содержание межгосударственного сотрудничества. Для неореалистов это главным образом вопросы общей военной безопасности, тогда как для неолибералов – вопросы взаимных экономических выгод.

– Абсолютные и относительные выгоды от сотрудничества. Неолибералы считают, что движущей силой межгосударственного взаимодействия является достижение абсолютных выгод. С точки зрения неореалистов, установить сотрудничество достаточно трудно даже тогда, когда все стороны могут достигнуть абсолютной выгоды, поскольку ни одно государство не согласно на получение меньшей абсолютной выгоды, чем любое другое. Беспокойство, касающееся относительной прибыли, таким образом, вероятно, препятствует сотрудничеству. Перед лицом таких потенциальных проблем, как возможность обмана и девальвации преимуществ, государства стремятся к «справедливости» в распределении выгод от сотрудничества, которая рассматривается как сохранение баланса возможностей, существовавшего до сотрудничества. «Ни одна страна не допустит политических преимуществ другой, – пишет Джозеф Грико, – без ожидания (обоснованного или нет) получить взамен пропорциональные преимущества» ...

– Приоритет государственных целей и, по сути, источники или причины сотрудничества государств. С этой точки зрения, для неореалистов, главным является изучение проблем военной безопасности государств. Согласно же

⁹ Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 81-84.

неолибералам, основной целью, которую преследуют государства, вступая в сотрудничество в мире, где существует возможность использования военной силы, является максимальное экономическое процветание.

– Вопрос о намерениях. По мнению неореалистов, поведение государств определяется, с одной стороны, системными принуждениями и ограничениями, а с другой – их реально существующими возможностями и способностями. Неопределенность намерений не позволяет использовать их в качестве инструмента анализа, поэтому при анализе государственной политики ими вполне можно пренебречь. Неолибералы, напротив, не отрицают значения реальных возможностей. Они считают государственные намерения достаточно важными и поэтому настаивают на том, что при изучении международных отношений их следует обязательно принимать во внимание.

– Международные режимы. И неореалисты, и неолибералы отмечают их значение для межгосударственных взаимодействий. Но они расходятся в оценке их регулирующей роли: неореалисты считают, что их оппоненты преувеличивают важность международных режимов и институтов в смягчении принудительных эффектов международной системы для сотрудничества государств.

В последние годы предметом спора между неолибералами и неореалистами все чаще становятся проблемы безопасности. Этот этап дискуссии дает представление о тех изменениях, которые претерпели рассматриваемые парадигмы. Концепции и теории, господствующие в либерально-идеалистической парадигме сегодняшних дней, во многом отличаются не только от взглядов Вудро Вильсона и его сторонников, но и от неолиберальных построений первой половины 1990-х гг. (что, впрочем, не означает исчезновения указанных взглядов: они лишь отходят как бы на второй план, сосуществуя с новейшими концептами)¹⁰.

«Сегодня мировая политика – интенсивно развивающаяся научная дисциплина, изучающая совокупность политической деятельности, политические отношения различных транснациональных акторов и формируемых ими политических институтов и процессов. Она охватывает весь спектр мирополитической проблематики.

Мировая политика как научная дисциплина предполагает анализ политической системы мира; ее акторов, деятельности и взаимодействия этих акторов; выявление основных тенденций современного политического развития мира ... изучение возможности и ограничения воздействия на политическую

¹⁰ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 136-138.

систему мира и направления ее развития; теоретическое осмысление всех этих вопросов и т. п.

Отдельные проблемы изучаются мировой политикой с учетом изменений, происходящих на уровне политической системы в целом, и общего контекста мирового политического развития. В этой связи важна не только сама проблема, например безопасность, но и то, как она связана с другими вопросами (в том числе с международной политической экономией, миграцией, экологией и т. д.); как все эти проблемы влияют друг на друга и на процесс общемирового политического развития, а также какое воздействие, в свою очередь, это общемировое развитие оказывает на конкретные международные проблемы; каковы интересы различных транснациональных акторов в отношении этого вопроса, что они предпринимают для реализации своих интересов и т. д.

... Политические деятели всегда исходят из неких положений, соотносимых с теоретическими воззрениями. Правда, вряд ли кто из них основывается на том или ином теоретическом подходе в его «чистом виде». Обычно на практике происходит совмещение положений различных теорий. Так, согласно Дж. Гольдштейну, наиболее консервативные политические деятели США разделяют либеральные взгляды на экономические вопросы, но при этом считают важнейшим национальным интересом укрепление военной мощи государства, а некоторые европейские социал-демократы сочетают либеральные положения о свободе с фактически неомарксистским пониманием справедливости»¹¹.

«Итак, мы отметили четыре специфические черты, которые свойственны цивилизационной модели Хантингтона. Установлено, во-первых, что цивилизации, согласно данной модели, не всегда были главными историческими субъектами человеческой истории, поскольку Хантингтон считает, что, по крайней мере, период между двумя мировыми войнами и последующий за ним период холодной войны не являлись цивилизационными периодами, это было время общемировой идентификации по отношению к идеологии. Во-вторых, Хантингтон не отступает от идеи прогрессивного развития человеческих обществ, поскольку в его модели придается большое значение модернизации в экономическом и военно-техническом отношении. В-третьих, данной модели присущ и западоцентризм, выражающийся в том, что мировому сообществу нескольких цивилизаций приходится считаться с последствиями и проявлениями того, что мир долгое время являлся и продолжает в какой-то степени быть ареной господства западной цивилизации.

¹¹ Лебедева М. М. Мировая политика: учебник для вузов / М. М. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с. – С. 124-125.

Наконец, в-четвертых, обратим внимание на тот факт, что Хантингтон делает акцент на современных глобальных политических событиях, цивилизации прошлого его интересуют лишь в незначительной степени»¹².

«В «Стратегическом взгляде» Бжезинский с горечью признает ошибки, допущенные в течение истекших двух десятилетий ... В то же время Бжезинский уверен, что его рассуждения «об угасающем Западе» не являются «исторической неизбежностью». В связи с этим автор предлагает стратегию возрождения Запада и одновременной стабилизации стремительно развивающегося и противоречивого Востока. ...

...

Если в книге «Великая шахматная доска» Бжезинский уверенно рассуждал о том, что достигнутый Америкой геостратегический успех в течение ближайших десятилетий «узаконит» ее роль как «первой, единственной и последней истинно мировой державы», в 2004 г. говорил, что у США еще есть «второй шанс» построения однополярного мира, то в своей последней книге Бжезинский констатирует уменьшение политического влияния США в мире и установление многополярного мира как уже объективно свершившуюся реальность. Исходя из этого, Бжезинский приходит к выводу о необходимости полного переосмысления дальнейшей стратегии США»¹³.

2.4. Английская школа международных отношений

«Британская школа» в международно-политической науке, которая связана с именами М. Бэнкса, Х. Булла, Дж. Бертона, М. Уайта, рассматривает межгосударственное сотрудничество как результат произошедшего в результате Вестфальского мира исторического укрепления «международного общества» и созданных в нем межгосударственных нормативных структур. Государства доминируют в определении действующих в международном обществе норм, само существование которых – результат сознательных и исторически длительных усилий государств по регулированию международной деятельности. Легитимность есть факт признания государствами наличия и действия международных норм, оказывающих важное воздействие на их поведение.

Теория международного общества имеет давние традиции. Она не только притягивает новых сторонников, но и вызывает некоторые возражения.

¹² Комиссаров И. И. Специфические черты цивилизационной модели в политической философии С. Хантингтона / И. И. Комиссаров // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 1. – С. 55-62. – С. 62.

¹³ Насыбуллова В. Н. «Стратегический взгляд» З. Бжезинского. Трансформация позиции / В. Н. Насыбуллова // Власть. – 2015. – № 11. – С. 123-125. – С. 123-124.

Главным аргументом возражений реалистов оставалась ссылка на незыблемость священного принципа государственного суверенитета. Именно учитывая этот аргумент, представители английской школы рассматривают международное общество как состоящее из суверенных государств, не имеющих над собой никакой верховной власти, но разделяющих определенный минимум совместных ценностей и норм (что предполагает взаимные контакты, осуществляемые от их имени специальными лицами) и обладающих рядом общих (межгосударственных) институтов. Международное общество предполагает взаимную ответственность государств-членов, конвенционально соблюдаемые правила и определенную тенденцию к возрастанию в его рамках межгосударственного сотрудничества. В полном соответствии с традициями политического реализма основными политическими акторами международного общества считаются государственные деятели, а главной ценностью — осторожность и ответственность в принятии решений. Это является центром притяжения, вокруг которого вращаются все остальные политические ценности: лояльность, добрая воля, решимость, смелость, сострадание, уравновешенность и, как самое главное, справедливость.

Характерно, что международная анархия хоть и признается теоретиками «британской школы», но понимается совершенно иначе, нежели в реалистской парадигме, а именно как отсутствие международного правительства, а не как отсутствие всяческой управляемости и легитимности в отношениях между нациями. Следуя этой логике, Барри Бузан сформулировал понятие «зрелой анархии», принципиально отличающейся по прочности своих нормативных ограничений, накладываемых на деятельность государственных акторов.

Следующие два направления в анализе сотрудничества подчеркивают наличие и значимость международных норм как относительно независимых от государственных усилий по их созданию и воспроизводству. Если для сторонников британской традиции нормы (и, соответственно, легитимность международного общества) являются результатом сознательных усилий государств, то для конструктивистов и исторических институционалистов международные нормы обладают мощным самостоятельным влиянием на государства. С точки зрения конструктивистов и исторических институционалистов, нормы не обязательно создаются при непосредственном участии государств и под их контролем, а следовательно, должны быть исследованы в качестве независимого от государства субстрата. В общем-то единственное сходство взглядов конструктивистов и исторических институционалистов заключается именно в этом критическом отношении к

понятию международной легитимности. В позитивных взглядах на содержание норм эти два подхода существенно различаются»¹⁴.

«... американские конструктивисты нередко подчеркивают свою генетическую близость английской школе международных исследований, наиболее яркими представителями которой были Мартин Уайт и Хедли Булл. В существующий «треугольник» парадигм ТМО эта школа не вписывается.

Сущность этого подхода, на наш взгляд, наиболее наглядно можно подчеркнуть, пытаясь определить специфику международных отношений по формуле «сила против порядка». Идеальные типы реалистической и либерально-идеалистической парадигм при таком сравнении можно представить следующим образом. Для реалистов международные отношения – это силовое противоборство государств, или, в крайнем его выражении, «война всех против всех». Государства, исходящие в своих действиях по отношению друг к другу исключительно из соображений выгоды и целесообразности, не связаны никакими моральными или правовыми ограничениями, понятия о которых применимы лишь к отношениям в обществе, а сфера международных отношений лежит вне его границ. Иными словами, это идеальный тип, построенный на «силе». В либерально-идеалистической парадигме, напротив, природа международных отношений определяется транснациональными социальными связями в рамках всего человечества (в основе которых лежат непротиворечивые интересы всех людей), а не конфликтом между государствами. В этом смысле международным отношениям присущи моральные императивы и правовые нормы, ассоциирующиеся с «порядком». В основе такого противопоставления лежит привычное видение различий в том, что понимается под порядком внутри государств, и тем, что существует в отношениях между ними. При этом подразумевается, что «порядка» в отношениях между государствами нет (в лучшем случае он существует лишь как то, к чему можно стремиться).

С точки зрения представителей английской школы, порядок является столь же неотъемлемой «частью истории международных отношений и в особенности в том, что современные государства сформировали и продолжают формировать не просто систему государств, но международное общество», иными словами, это порядок особого рода. Международная политика в этом случае не предстает ни как абсолютный конфликт между государствами, ни как полная идентичность интересов в рамках всего человечества.

Х. Булл подчеркивал, что анархичная природа международных отношений не является препятствием для понимания их в формате

¹⁴ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 452-453.

«международного общества», или «общества государств». С его точки зрения, анархичность международных отношений не следует сводить к «механическому» и весьма ограниченному пониманию «естественного состояния». В современной международной системе, по мнению Х. Булла, представлены все элементы: борьба за власть между государствами и война, и транснациональная солидарность и конфликт, который проходит по иным разграничительным линиям, чем межгосударственный, а также элемент сотрудничества и регулируемых правилами и нормами отношений между государствами. Какой из них является доминирующим, зависит от конкретных обстоятельств времени и места.

Рассмотрение международных отношений как международного общества предполагает, что «государства вовлечены не просто в схватку, подобно гладиаторам на арене, они ограничены в своем противоборстве друг с другом общими правилами и институтами» общества, которое они формируют, не только правилами целесообразности, но и моральными императивами и правовыми нормами. Именно поэтому Х. Булл определяет специфику международных отношений как «анархичное общество».

С нашей точки зрения, отнесение английской школы к периоду «канонических» парадигм вполне оправданно, как по соображениям совместимости проблематики и методики проведения исследований, так и по хронологии. Так, книга Х. Булла «Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике», в которой наиболее ярко и однозначно представлен подход английской школы, была выпущена в 1977 г., то есть примерно в то же время, что и «Теория международной политики» К. Уолца, опубликованная в 1979 г. и знаменовавшая оформление неореализма. Заслуживает упоминания и тот факт, что сами американские конструктивисты, и в частности А. Вендт, считают английскую школу своей предтечей. К сожалению, работы этой школы в 1960-1970-е гг. не получили должного внимания в США, что и повлекло за собой небрежение к этой концепции. По мнению одного из лидеров школы политического реализма С. Хоффманна, высказанному им в предисловии ко второму американскому изданию книги Х. Булла, эта концепция «не вписывалась в превалирующие американские подходы». «Ударение на обществе (хотя и анархичном), – отмечает он, – казалось странным реалистам, которые под руководством Ганса Моргентау изучали международные отношения с точки зрения рвущихся к власти и соперничающих государств, и неореалистам, которые вслед за К. Уолцем фокусировали свое внимание на последствиях распределения власти в международной системе».

Интересно также отметить, что и в ранних истоках ТМО можно найти интеллектуальную основу для этого подхода. Сами представители английской школы называют ее интернационалистской традицией, восходящей к трудам голландского юриста Гуго Гроция (отсюда и иное название этой традиции – гроцианская)¹⁵.

2.5. Франция: социология международных отношений

«... с точки зрения известного французского социолога Р. Арона, «международные отношения — это отношения между политическими единицами, имея в виду, что данное понятие включает греческие полисы, римскую или египетскую империи, как и европейские монархии, буржуазные республики, или народные демократии ... Содержанием международных отношений являются, по преимуществу, отношения между государствами: так, бесспорным примером международных отношений являются межгосударственные договоры». В свою очередь межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей – дипломата и солдата. «Два и только два человека, – пишет Р. Арон, — действуют не просто в качестве членов, а в качестве представителей общностей, к которым они принадлежат: посол при исполнении своих функций представляет политическую единицу, от имени которой он выступает; солдат на поле боя представляет политическую единицу, от имени которой он убивает себе подобного». Иначе говоря, международные отношения в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны. Особенность международных отношений состоит в том, что они предполагают вероятность того и другого и поэтому содержат значительный элемент риска.

В целях сделать свое понимание особенностей внешней политики и международных отношений более доступным Р. Арон прибегает к сравнению их со спортом. При этом он подчеркивает, что, например, «по сравнению с футболом внешняя политика является еще более неопределенной. Цель действующих лиц здесь не так проста, как забивание гола. Правила дипломатической игры не расписаны во всех деталях, и любой игрок нарушает их, когда находит в этом свою выгоду. Нет судьи, и даже когда некая совокупность действующих лиц претендует на судейство (ООН), национальные действующие лица не подчиняются решениям этого коллективного арбитра, степень беспристрастности которого оставляет повод для дискуссии. Если

¹⁵ Сафронова О. В. К вопросу о генеалогии конструктивизма в теории международных отношений / О. В. Сафронова // Вестник ННГУ. Серия: Международные отношения, политология, регионоведение. – 2004. – № 1. – С. 99-105. – С. 100-101.

соперничество наций действительно напоминает какой-либо вид спорта, то таким видом слишком часто является борьба без правил – кэтч ...». Поэтому международные отношения Р. Арон считает «предгражданским» или «естественным» состоянием общества (в гоббсовском понимании: «война всех против всех»). В сфере международных отношений господствует «плюрализм суверенитетов», поэтому здесь нет монополии на принуждение и насилие, и каждый участник международных отношений вынужден исходить в своем поведении из во многом непредсказуемого поведения других участников.

Близкие мысли высказывают и многие другие исследователи, отмечающие, что международные отношения характеризуются отсутствием консенсуса между их участниками относительно общих ценностей, сколь-либо общепринятых социальных правил, закрепленных юридическими или моральными нормами, отсутствием центральной власти, большой ролью стихийных процессов и субъективных факторов, значительным элементом риска и непредсказуемости»¹⁶.

«Что же касается представителей французской школы социологии международных отношений, то, с их точки зрения, принципиальное значение для анализа сотрудничества государств имеет изучение тех сдвигов, которые происходят во взаимодействии государств и новых участников международных отношений. Межгосударственное сотрудничество, подчеркивает, например, Бертран Бади, сегодня уже нельзя анализировать без учета тех изменений, которые отличают современность от Вестфальской системы международных отношений. В наши дни государство уже не только не единственный, но и не во всех отношениях господствующий актер международной сцены. Усиление взаимозависимости и процессы мондиализации имеют следствием появление фундаментально новых тенденций в мировой политике. Во-первых, происходит автономизация деятельности транснациональных акторов – этнических, религиозных, культурных, профессиональных и иных групп, мультинациональных фирм, представителей рыночных, коммуникативных, информационных и миграционных потоков, а также диаспор, мафиозных кланов, выдающихся личностей, «частных» лиц и т. п. В этих условиях государственный суверенитет подрывается «расщеплением» лояльности индивида между тремя относительно самостоятельными сферами – государством, транснациональными сетями и социокультурными сетями. Во-вторых, формируемые многообразными процессами идентификации (этнической, религиозной, коммунитарной ...) новые акторы все более успешно претендуют на свою собственную роль в международной жизни, стремясь

¹⁶ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 22-23.

оказывать влияние на ее структуру, действующих лиц, возникающие между ними конфликты. Важной особенностью происходящих перемен является то, что указанные процессы способствуют дестабилизации всей системы международных отношений, сложившейся в итоге Вестфальских договоров.

При этом мощным источником дестабилизации становится заимствование государством методов и средств сотрудничества, присущих новым международным акторам. В поисках новых форм легитимности государство все чаще идет на замещение отношений гражданской солидарности рыночными отношениями, групповыми связями, транснациональной солидарностью. Все чаще делая скидки на групповую идентификацию (и групповую исключительность), идя на уступки и компромиссы во взаимодействии с новыми акторами, государство активно способствует разрушению главных принципов, составляющих саму основу его легитимности: суверенитета, территориальности, политического представительства.

Из сказанного вытекает, что особенности межгосударственного сотрудничества в современных условиях не могут быть правильно поняты, если не учитывать и не подвергать анализу по крайней мере два фундаментальных обстоятельства: во-первых, то, что «чистого» межгосударственного сотрудничества сегодня уже не существует, и во-вторых, то, что радикальное противопоставление внутренней и внешней политики и полное делегирование гражданами первой из них государству принадлежит прошлому.

Таким образом, социологический подход расширяет возможности исследования межгосударственного сотрудничества, обладая определенными преимуществами по сравнению с «реалистическим» и «режимным» подходами. Рассматривая конфликт и сотрудничество в неразрывной связи, социологический подход, в отличие от других парадигм, ставит сотрудничество на первое место, отдает ему приоритет, считает его ведущей стороной взаимодействия. Проблеме сотрудничества тем самым придается динамичность, ее анализу – многоаспектность: социологический анализ не ограничивается одной или даже несколькими областями, а пронизывает их все. Социологический подход не нуждается в предварительном решении вопросов, с которыми постоянно сталкиваются другие подходы к исследованию межгосударственных конфликтов – таких вопросов, как международная анархия, распределение выгод, детерминизм в соотношении внутренней и внешней политики, государственные и частные акторы и т. п. Поэтому данные вопросы в его рамках утрачивают свое значение труднопреодолимых препятствий»¹⁷.

¹⁷ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 455-457.

«Раймон Арон (1905-1983) – известный французский философ, социолог, историк, политический мыслитель и журналист, член французской Академии моральных и политических наук и почетный член многих зарубежных академий, почетный доктор Гарвардского, Колумбийского, Базельского, Иерусалимского и других университетов, лауреат престижных международных премий Алексиса Токвиля за гуманизм (1979) и Эразма Роттердамского (1983) – является уникальной фигурой как для французского, так и для мирового интеллектуального сообщества в целом. Его современник Рой Пайерс, профессор Мичиганского университета, назвал Раймона Арона «самым плодовитым и многосторонним политическим мыслителем XX века».

Арон воплотил в себе системный образ идеального интеллектуала как одного из символов прошлого столетия – интеллектуала, поражающего современников масштабами своих творческих возможностей и научных интересов, интеллектуала, преданного интересам Франции, но открытого для сотворчества в европейском и мировом контекстах. Этот символический образ нашел отражение в его последней автобиографической книге под названием «Мемуары» (1983), в которой французский мыслитель и публицист полновесно подвел итог своей жизни и деятельности, оставив вместе с тем потомкам интересный источник для изучения атмосферы в обществе Французской республики межвоенного периода и послевоенных десятилетий. В этих воспоминаниях, которые нужно рассматривать как одну из важнейших работ, описывающих историю французских интеллектуалов в XX в., моменты приватной жизни автора тесно переплетены с многогранными проявлениями публичности, а частная история отдельного человека естественным образом становится историей всего XX столетия.

Его путь как интеллектуала изначально начинался в рамках традиционного для Франции образовательного пространства. Своеобразной «кузницей кадров» для французских интеллектуалов была Высшая нормальная школа в Париже (Эколь Нормаль, Ecole Normal Supérieure) – элитное высшее учебное заведение, основанное еще в 1794 г., из стен которого вышло подавляющее большинство французских мыслителей и писателей XIX-XX вв. Выпускников этого учебного заведения, поступление в которое, в отличие от университета, предполагает прохождение жесткого конкурсного отбора, называют во Франции «normalien». Одним из таких normalien стал и Раймон Арон, который с 1924 по 1928 г. учился в Высшей нормальной школе на одном курсе с будущими известными французскими философами и писателями Жаном-Полем Сартром и Полем Низаном. Это демонстрирует, с одной стороны, узость того интеллектуального круга, где разворачивались впоследствии серьезные философские и политические дискуссии, а с другой –

общность культурно-образовательной и идейной среды, в которой формировались лидеры французского интеллектуального сообщества.

...

Будучи одновременно и мыслителем, который мастерски возводил собственные теоретические конструкции, и реальным участником исторического процесса, отзывающимся на значимые события своего века, Арон в одном из своих интервью так определил свое место в политике: «... я на вечные времена остался полуполитиком. Мне никогда не приходило в голову считать себя политическим деятелем, потому что я не был кандидатом ни на какой политический пост. Но я являлся политическим журналистом или политическим писателем, который одновременно и писал толстые книги, и комментировал текущие события ...». В целом же французский мыслитель достаточно осторожно и взвешенно выстраивал свою профессиональную и жизненную стратегию, балансируя на грани истины и социального долга. Принципы идейной трезвости и точности, верность истине и здоровый скепсис стали специфическими маркерами его творческой деятельности, продолжившей в послевоенный период интеллектуальные традиции тех авторов, которых он считал своими учителями – А. де Токвиля и М. Вебера. Нельзя не согласиться с итоговым выводом отзыва о Р. Ароне, который оставил бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер: «Никто на меня не оказал такого большого интеллектуального влияния, как Арон. Он был моим профессором в последний период моей университетской учебы. Он был блестящим критиком, когда я занимал официальные посты. Его позитивные отзывы поощряли меня, а критические замечания сдерживали меня ... Арон был одним из крупнейших и видных интеллектуалов нашей эпохи»¹⁸.

2.6. Развитие международных исследований в СССР и России

«Изучение проблем безопасности (Security Studies) в рамках теории международных отношений занимает особое место. На протяжении полувека отечественные и западные специалисты достаточно плодотворно занимались анализом военных стратегий, оборонной политики, ядерного паритета и т. п., что, фактически, и составляло традиционное понимание «безопасности». Ситуация стала меняться на рубеже 1970-80-х гг., когда появились новые теоретические работы, в которых «безопасность» перестала рассматриваться как чисто военный термин. Последние 20 лет XX века ознаменовались активной дискуссией между традиционалистами и теми, кто не ограничивал

¹⁸ Полякова Н. В. Раймон Арон: интеллектуал в политике и политика интеллектуала / Н. В. Полякова // Вестник СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. – 2016. – № 3. – С. 45-53. – С. 45-46, 51.

параметры безопасности только военными и политическими рамками. Советские специалисты, несмотря на то что заметно «отставали» от западных коллег в теоретической разработке таких проблем как «национальная безопасность» и «национальный интерес», в середине 1980-х гг. предложили усилить гуманитарную и экономическую составляющую понятия «безопасность», разработав концепцию новой коллективной безопасности, где речь шла о примате общечеловеческих ценностей. Однако, это скорее походило на политическое заявление, а не на новую концепцию, поскольку военный аспект безопасности по-прежнему признавался приоритетным.

Тем не менее, советские ученые, среди которых Т. А. Шаклеина выделяет Н.Н Спасского, А. Ю. Мельвиля, Г. А Трофименко, Н. Н. Яковлева и др., отвергли традиционный подход к решению международных проблем, основывавшийся на силовом решении. Отмечалось, что не реально построить безопасность только в одной сфере – военной или политической, экономической или гуманитарной. Безопасность понималась как всеобъемлющая единая система, распространявшаяся на все сферы международных отношений. Построить ее можно только на основе общечеловеческих ценностей, что отличало подход, разработанный советскими исследователями, от распространенной тогда концепции коллективной безопасности.

Первые попытки ввести проблематику безопасности в теорию международных отношений в Советском Союзе можно отнести к рубежу 1970-80-х годов. Это произошло в работах, изданных под руководством известных исследователей В. И. Гантмана и Н. Н. Яковлева.

Определенные новации в изучении проблем безопасности появились в середине 1980-х годов. Идеологически обеспечивая доктрину «нового политического мышления», отечественные ученые вынуждены были обратиться к некоторым либеральным и глобалистским идеям. Проблемы экономической, культурной и политической взаимозависимости, приоритетность общечеловеческих ценностей, вопросы сотрудничества в решении глобальных проблем современности нашли отражение в работах того времени. Советские ученые обратили пристальное внимание не только на изучение природы международной безопасности, но и поддержали представителей либерального направления в стремлении разработать многомерный подход к трактовке самого понятия безопасность. Детально изучались такие компоненты, как экономическая, общественная, экологическая безопасность, региональные и глобальные режимы безопасности, механизм формирования политики национальной безопасности отдельных государств, роль международных организаций и пр. Таким образом, можно говорить о том,

что отечественные исследователи фактически проигнорировали категорию национальной безопасности, с присущим ей военно-силовым детерминизмом, сфокусировав внимание на изучении проблем именно международной безопасности. Видимо, этим можно объяснить «всплеск» популярности самого термина «национальная безопасность» в 1990-е годы и связанное с этим повышенное внимание к реалистической парадигме. Российским ученым и политикам, как считает А. А. Сергунин, пришлось «с нуля» осваивать категорию «национальной безопасности», что нашло отражение в жестких дискуссиях не только о содержании понятия «безопасность», но и таких категорий как «национальный интерес», «национальная идея» и т. п.»¹⁹.

«Канонический» марксизм в современных международных отношениях – явление маргинального порядка. Даже у неомарксистской парадигмы, некоторые теории которой довольно далеко отстоят от своих «корней», сторонников сегодня меньше, чем у других направлений.

Однако неомарксизм продолжает сохранять в теории международных отношений относительно прочные позиции. В рамках неомарксистской парадигмы продолжают появляться новые, достаточно интересные идеи, выводы и обобщения. Наконец, было бы ошибкой отрицать влияние его положений на другие течения международно-политической науки и, в частности, на приобретающее сегодня все большую популярность такое направление, как международная политическая экономия. Чтобы понять суть неомарксизма, необходимо рассмотреть один из его основных идейных источников – «канонический» марксизм.

1. Главными действующими лицами в марксистской парадигме международных отношений являются социальные классы – мировая буржуазия и международный рабочий класс (пролетариат). Государства как участники международных отношений вторичны. Стремление буржуазии к сверхприбыли повсеместно побуждает ее к усилению эксплуатации рабочего класса и поиску новых источников сырья, дешевой рабочей силы и новых рынков сбыта готовой продукции. Это ведет к усилению межимпериалистических противоречий на одном полюсе мирового капитализма и консолидации интересов международного рабочего класса – на другом. «Рабочие не имеют отечества», их объединяет имеющее объективные основы чувство пролетарского интернационализма. Что же касается буржуазии, то она, будучи космополитической по своей глубинной сущности, создала национальное государство как инструмент своего классового господства и подчинения. Используя внешнеполитические инструменты государства (военную стратегию

¹⁹ Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 246-247.

и дипломатию) в своих узкоэгоистических целях, буржуазия способствует постоянной дестабилизации международных отношений, вооруженным конфликтам и войнам.

2. Международные отношения, в сущности, ничем, кроме масштабов, не отличаются от внутриобщественных отношений. В целом, они имеют «вторичный и третичный», «перенесенный» характер – в том смысле, что, во-первых, являются одним из элементов надстройки, детерминированной совокупностью господствующих производственных отношений или, иначе говоря, экономическим базисом, и, во-вторых, отражают особенности взаимодействия буржуазии и рабочего класса в рамках национальных государств ... Вот почему международные отношения носят по своей природе капиталистический характер, представляя собой поле острого противоборства между господствующей империалистической буржуазией и эксплуатируемыми и угнетаемыми ею трудящимися во главе с пролетариатом.

3. Поэтому основные международные процессы представлены классовыми конфликтами, кризисами, войнами и социальными революциями.

4. Цели главных акторов международных отношений кардинально противоположны. Если одни (мировая буржуазия) стремятся к максимизации прибыли и накоплению капитала, то другие (международный рабочий класс) – к свержению господствующего класса и тем самым к осуществлению всемирно-исторической миссии пролетариата: к освобождению всех трудящихся от эксплуатации и установлению социализма и коммунизма на Земле.

5. Различны и средства достижения этих целей: с одной стороны, усиление эксплуатации, а с другой – мировая социальная революция.

6. Марксизм имеет достаточно ясную позицию и относительно будущего международных отношений: оно предопределено объективными законами общественного развития, в том числе законом отмирания государства и установления в новом, свободном от капиталистической эксплуатации и угнетения мировом обществе «простых норм нравственности и справедливости» между народами ...

7. Что касается исходных положений марксистского анализа международных отношений, то они вытекают из его общих методологических позиций, в числе которых определяющая роль способа производства и экономического базиса в развитии общественных отношений, а также классовая борьба как движущая сила исторического процесса»²⁰.

²⁰ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 113-115.

«Начиная с 1990-х годов международные исследования в России стали развиваться бурными темпами. В связи с активным выходом на мировую арену российских регионов и бизнеса резко возросла потребность в квалифицированных специалистах не только в центре, где ранее были сосредоточены фактически все исследования по международным отношениям, но и регионах.

Развитие отечественных международных исследований в этот период сопровождалось разработкой новых направлений и аспектов, в том числе по мировой политике; созданием новых кафедр и факультетов, аналитических центров в различных городах России; созданием новых профессиональных журналов, где центральными вопросами стали проблемы мировой политики («Космополис», «Россия в глобальной политике», «Международные процессы»), чтением курсов по мировой политике, включением их в образовательный стандарт, выходом в свет научной, учебной и учебно-методической литературы; появлением профессионального сообщества (Российской ассоциации международных исследований); проведением конференций, семинаров; дискуссиями относительно предметной области мировой политики (такая дискуссия прошла на страницах журналов «Международные процессы» и «Космополис») и т. п.

Непосредственно для развития мировой политики важной вехой стало проведение международной конференции, посвященной 350-летию Вестфальского мира, которая прошла в МГИМО в 1998 г. Бурные дискуссии велись относительно судьбы Вестфальской модели мира, ее влияния на различные сферы (безопасность, конфликты, процессы интеграции и демократизации и т. д.), проблем национального суверенитета»²¹.

«... постнеклассическая наука, начиная с квантовой механики, не требует в отличие от классической науки очевидных оснований, не требует и их опытного подтверждения, но у нее должны быть работающие следствия, к тому же обладающие предсказательной функцией. Она отступает от принципов жесткого детерминизма и вводит категорию случайности наряду с категорией необходимости, изменяет идеалы и нормы доказательства и обоснования знания.

В полном соответствии с этим Гумилев неоднократно говорил своим оппонентам, в частности историкам, что он не должен, как того требует традиционная историческая методология, отправляться от историографии и строго следовать историческим фактам. Более того, он подчеркивал, что при отсутствии таковых ученых имеет право на логическую систему доказательств.

²¹ Лебедева М. М. Мировая политика: учебник для вузов / М. М. Лебедева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 365 с. – С. 128.

Возражая своим критикам-историкам, в частности, по вопросу о роли пассионарности в эволюции этносов, Гумилев подчеркивал, что здесь он выступает как представитель естествознания, исходит из действия природных, а не социальных факторов, что предполагает другую методологию, которая отличается от исторической.

Отметим еще один важный момент, связанный с новой методологией постнеклассической науки, который использовал в своих работах Гумилев. Речь идет о том, что для современной науки второй половины XX в. является обязательным включение аксиологических (ценностных) факторов в состав объясняющих положений теории. Современная теория согласно постнеклассической науке представляет собой синтез фундаментальных внутринаучных ценностей с вненаучными ценностями общесоциального характера, а само научное познание начинает рассматриваться в контексте конкретных социальных условий и его социальных последствий»²².

2.7. Геополитические мотивы в политических теориях мирового развития

«... на рубеже XIX-XX вв. возникают геополитические теории. Оформление геополитики в тот период времени было обусловлено рядом факторов, в первую очередь, как закономерный ответ на «втягивание» всей территории земного шара в сферу международных отношений (К. С. Гаджиев вводит термин «закрытие мирового пространства») и завершение фактического раздела мира между великими державами. Сам термин «геополитика» однозначно указывает на связь международной политики государства и его географического положения, иными словами, «мощь государства прочно коренится в природе самой земли». Любое государство – актер международной политики – предстает как особый географический организм, «обладающий особыми физико-географическими, природными, ресурсными, людскими и иными пара-метрами, собственным неповторимым обликом и руководствующийся исключительно собственной волей и интересами».

Идеи о влиянии географической среды на политику можно найти еще у древнегреческих мыслителей, но основателем доктрины, связывающей природу политики с воздействием географических факторов, можно считать французского мыслителя Жана Бодена (1530-1596). В своем труде «Метод легкого изучения истории» (1566) он сформулировал идею влияния климата на политическое поведение людей. Идея географического детерминизма (с

²² Лагойда Н. Г. Философская концепция Л. Н. Гумилева в контексте современной науки / Н. Г. Лагойда // Вестник БГУ. – 2018. – № 4-3. – С. 73-79. – С. 75.

различным «наполнением» того, какие факторы понимались географическими) развивалась на протяжении всего периода Нового времени. При всем разнообразии взглядов суть оставалась одной: политические процессы неизменно оказывались «величиной, зависимой от географической среды в целом или ее отдельных компонентов». Формировавшаяся в конце XIX-начале XX вв. геополитика, нацеленная на изучение зависимости конкретных политических действий государств от географических факторов, представляла собой прикладной вариант географической «парадигмы». В современном понимании геополитика главное внимание уделяет изучению возможностей активного использования политикой факторов физической среды и воздействия на нее в целях обеспечения безопасности государства.

Первые шаги геополитики связывают с именем германского этнографа и географа Фридриха Ратцеля (1844-1904). В ряде своих трудов он уподобляет государство живому организму, которое занимает определенное место в пространстве и которое растет, сжимается и умирает. Государство, по Ф. Ратцелю, – продукт органической эволюции, и его процветание «зависит от того, насколько успешно оно приспособливается к условиям среды». Термин «геополитика» был введен в оборот шведским географом Рудольфом Челленом (1864-1922). Он понимал под геополитикой географические основания национальной мощи. Р. Челлен так же, как и Ф. Ратцель, был приверженцем «органицизма», считая, что государства, подобно животным в дарвиновской эволюционной теории, вовлечены в непрерывную борьбу за выживание»²³.

«Концептуальные построения «классиков» геополитики и ее современных приверженцев часто слишком произвольны, нередко фантастичны. ...

Иначе говоря, геополитика не может претендовать на истину в последней инстанции, а тем более не может заменить другие подходы к исследованию международных реалий. Геополитика, как «картографическое представление отношений между главными противоборствующими нациями» (Р. Харькави), не отражает изменений, происходящих сегодня в мировой политике, ее основных тенденций. Она явно не оправдала претензий на то, чтобы стать «материалистической альтернативой марксизму» (К. Э. Сорокин). Ее понимание как «объективной зависимости субъекта международных отношений от совокупности материальных факторов ...» (Ю. В. Тихонравов) остается достаточ-но

²³ Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 73.

ограниченным, а рассмотрение с позиций «миссии» или «судьбы» (А. Ду-гин) мистифицирует реальные проблемы»²⁴.

«Эвристические возможности традиционной геополитики ограничены, и кардинальные перемены, которые происходят на мировой арене, требуют выхода за ее рамки. Ответом на потребность изменений в традиционной геополитике стало возникновение «новой», или «критической», геополитики ... Кратко охарактеризуем основные положения, касающиеся предмета и центральных проблем этой дисциплины.

Во-первых, «новая» геополитика рассматривает культурные мифологии государства, а не только геополитическую практику и внешние политики государств. Во-вторых, оценивает географию как социальную конструкцию (а не как нечто раз и навсегда данное) и допускает разнообразие вариантов возможного политического конструирования пространства. Предметом «новой» геополитики являются не внутренние и внешние границы государства и его интересы, а то, как эти интересы и границы воображаются, представляются и конструируются. В-третьих, «критическая геополитика» децентрализована и рассматривает не только элитистские, но народно-популистские формы геополитического выражения и конструирования. В-четвертых, она исходит из того, что изучение геополитики не может быть политически нейтральным и всегда выражает позиции стоящего за этим исследователя и его социальной группы. Наконец, в-пятых, «новая» геополитика анализирует не специфические и партикуляристские практики отдельных государств, а обстоятельства глобального мира и времени в целом в их широком социопространственном и техно-территориальном измерении ...

Основные проблемы «новой» геополитики: а) поиск подлинно многостороннего механизма в принятии и осуществлении международных решений; б) изучение роли и значения идентичности и представительства интересов в международной политике; в) учет и анализ исторического сознания в поисках нового гражданства; г) исследование возможностей продвижения за пределы рынка к «рыночному социализму» ...

Таким образом, «новая» («критическая») геополитика стремится интегрировать в теоретический анализ актуальные тенденции мирового развития, связанные с потерей государством роли главного актора трансграничных взаимодействий и с изменением приоритетов таких взаимодействий. Речь идет о тенденциях, связанных с глобализацией

²⁴ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 210.

международной среды – феномена, который нуждается в специальном рассмотрении»²⁵.

«... структура ратцелевской политической географии (геополитики) выростала на основе географии физического мира, его ландшафта и климатических зон, географии растений и животных, географии миграций флоры и фауны, создававшей ту самую «почву» для вызревания данного человеческого общества в данных географических условиях.

Кроме того, Ратцелю важно было учесть в своих научных построениях, что человеческое общество формируется не только одними географическими условиями. ... он, безусловно, понимал, что общество в процессе исторического развития создает собственные культурные образцы, свою искусственную среду обитания. Поэтому для исследования и понимания данного общества следует ... привлекать данные не только географии, но и истории, антропологии, этнографии, культурологии.

Именно на стыке этих наук: географии, истории, антропологии, этнографии, культурологии, а для высокоразвитых обществ еще и литературы, искусства, религии, формировалась ратцелевская политическая география ... Эти научные дисциплины и составляют, по представлениям Ратцеля, структуру создаваемой им политической географии.

Если отталкиваться не от чисто научного пути и исследовательских задач Ратцеля, а от реальных условий, в которых развивается человечество, то новая ратцелевская наука, как он сам это признавал, может быть структурирована по сферам природы, т. е. разделена на геосферу (территория суши); гидросферу (водная среда); атмосферу (воздушная среда)». Научный вклад Р. Челлена получает следующую оценку: «Челлен, внимательно изучивший работы своего предшественника Ратцеля и особенно его «Политическую географию», постоянно следивший за процессом международной политики и взаимодействием ведущих государств на мировой арене, стал понимать последние не только как юридические субъекты, но и как живые, развивающиеся организмы, взаимодействующие с окружающей средой и вступающие во взаимоотношения с подобными себе (Ратцель). Для такой «расширенной» модели государства Челлену потребовалось не только изменение взгляда на его природу и внутреннее строение, но и на его внутривнутриполитическую и международную деятельность»²⁶.

²⁵ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 211-212.

²⁶ Исаев Б. А. Структура геополитики / Б. А. Исаев, И. Ф. Игнатьева // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2019. – № 59. – С. 66-74. – С. 67-68.

«К концу 90-х годов критическая геополитика превратилась в междисциплинарную программу исследований, в рамках которой можно выделить четыре основных направления: практическая геополитика (изучение географических и политических представлений/рассуждений в их практической реализации – политических практиках), формальная геополитика (изучение географического и исторического контекстов, в которых появились и развивались конкретные политические, географические и стратегические идеи), популярная геополитика (изучение воздействия геополитического образа на массовую культуру и формирование в обществе геополитических стереотипов), структурная геополитика (изучение влияния глобализации, информатизации и экономических преобразований на государственное управление).

...

Можно утверждать, что критическая геополитика отошла от традиционного понимания концептов «политический» и «географический», выйдя за рамки исследовательских задач, принимающих во внимание лишь физические границы, институт государственной власти и внешние условия; в сферу ее интересов вошли социальные науки, вопросы глобализации, идентификации и суверенитета»²⁷.

«... геополитика обладает таким важным признаком научного знания, как системность. Геополитика имеет в своей структуре множество теорий, в том числе широко известных. Одной из таких теорий является работа Х. Маккиндера под названием «географическая ось истории». С точки зрения ученого, лучшим положением для государства должно быть срединное. Разумеется, середина – это понятие относительное, но с планетарных позиций в центре мира находится Евразия, а в ее центре «heartland» – плацдарм для контроля над всем миром и ключевая территория в пределах Мирового Острова (Азия, Африка, Европа). Маккиндер структурирует пространство с применением концентрических кругов, согласно которым heartland географически тождественен России. Окраинный полумесяц соответствует береговым пространствам Евразии – это зона наиболее интенсивного развития. Далее идет внешний (во всех смыслах) полумесяц. Согласно Маккиндеру, вся история детерминирована давлением, оказываемым на внутренний полумесяц срединной землей, то есть, условно говоря, «разбойниками суши», и давлением извне, то есть из внешнего полумесяца на Мировой остров «разбойниками моря». Таким образом, история развивается во внутреннем полумесяце, тогда как в heartlande царит застой, а во внешнем полумесяце происходит цивилизационный хаос. Тем не менее роль географической оси крайне велика,

²⁷ Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики / И. Ю. Окунев // Сравнительная политика. – 2014. – № 4 (17). – С. 6–14. – С. 7–8.

и ученый формулирует закон, согласно которому «тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над heartland`ом; тот, кто доминирует над heartland`ом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром». На основе своей теории Маккиндер разработал стратегию для внешнего полумесяца, заключающуюся в том, чтобы оторвать максимальное количество береговых пространств от heartland'a и поставить их под влияние «островной цивилизации». Помимо того, что мы относим наличие теорий к доказательству существования системности в геополитике, в данном случае мы можем говорить и о доказательстве возможности практического применения геополитики, так как идеи Маккиндера легли в основу действий США и Северо-Атлантического союза. Ссылка на практику справедлива и для идеи «морского могущества» А. Мэхена. Его теория легла в основу военной стратегии, и, если посмотреть на военную историю США в XX в., по справедливому замечанию А. Дугина, мы заметим, что последняя основывается на соответствующих положениях, и если в ходе Первой мировой войны данная стратегия не принесла ощутимого успеха, то в ходе Второй мировой и холодной войн она себя полностью оправдала.

Геополитика может не только объяснять прошлое, но и делать прогнозы на будущее. В. А. Дергачев считает, что «без геополитических прогнозов невозможно представить будущее страны. В многополярном мире с открытыми и закрытыми обществами и экономиками государственный деятель обязан обладать геополитическим мышлением». Сэмюэль Хантингтон в 1996 г. публикует часто используемую сейчас политологами работу под названием «Столкновение цивилизаций», в которой дает некоторый прогноз развития международных связей и затрагивает, в том числе, отношения между Россией и Украиной. Ученый выделил три варианта развития событий между указанными выше родственными государствами. Во-первых, возможен вооруженный конфликт из-за таких вопросов, как ядерное оружие, Крым, права русских на Украине, Черноморский флот и экономические отношения. Во-вторых, раскол Украины на две части, из которых восточная войдет в состав России. В-третьих, Украина останется единой, как прежде расколотой и независимой, сохраняя отношения с Россией. Варианты Хантингтон разместил в порядке возрастания возможности, то есть наиболее вероятным он считал последний вариант. Стоит отметить, что в далеком 1996 г. эти идеи казались многим невозможными и невероятными (кроме третьего варианта, разумеется). Тем не менее в настоящее время мы можем с уверенностью сказать, что его прогнозы находят подтверждение в действительности.

Последний критерий, который мы будем применять в данной статье к геополитике как науке, – это антидогматизм. Для науки, как бы странно это ни

звучало, антидогматичность как способность воспринимать мир иначе, принимать его изменения, чрезвычайно важна. Некоторую абсурдность данного утверждения мы можем заметить на примере естественных наук, где радикальные изменения легче воспринимаются самими учеными, высокообразованными людьми и в гораздо более тяжелой форме остальной частью населения, деятельность которой далека от научной, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. Вернемся к геополитике. Геополитическое знание не стоит на месте и не настаивает на каких-либо постулатах как на абсолютной истине. Например, в статье «Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики» И. Ю. Окунев указывает, что даже такой основополагающий постулат, как пространственный детерминизм, влияющий на международные отношения и отраженный в самом названии ГЕОполитики, в последние два-три десятилетия потерял свое влияние в глазах исследователей так называемой критической геополитической мысли. Данные ученые, отразившие в своих взглядах постмодернистский сдвиг, считают, что геополитика государств формируется не из фундаментальных оснований, структуры пространства, а из географического представления, то есть важны не сами границы, а то, как мы видим границы, как их воображаем. Это невероятное, на первый взгляд, видение позволяет отказаться от таких важных ранее бинарных оппозиций, как запад и восток, внешнее и внутреннее, и позволяет посмотреть на все происходящее с другой стороны, отказаться от условностей. К примеру, рассуждая о том, Европа ли Россия, Н. Я. Данилевский приводит свои сомнения, касающиеся обоснованности выделения Европы в качестве отдельной части света: «Америка есть остров; Австралия – остров; Африка – почти остров; Азия вместе с Европой также будет почти островом. С какой же стати это цельное тело, этот огромный кусок суши, как и все прочие куски, окруженный со всех или почти со всех сторон водой, разделять на две части на основании совершенно иного принципа?» Такого рода сомнение подтверждает некоторую условность географического положения в качестве детерминирующего признака.

В заключение мы можем с уверенностью сказать, что геополитике присущ антидогматизм, она способна не только анализировать прошлое, но и прогнозировать будущее, адекватно оценивать настоящее. Кажущаяся на первый взгляд дисциплинарная разрозненность геополитики, на самом деле является ее отличительной, основополагающей чертой. Геополитическая картина мира стремится включить в анализ интересующих ее процессов, международных и межгосударственных отношений несколько подходов: географический, политологический, идеологический, этнографический, экономический и многие другие. В этом стремлении к междисциплинарному

синтезу состоит важная особенность всех геополитических идей. Основываясь на всем вышесказанном, на успешном применении к геополитике демаркационных критериев и на ее стремительном развитии, с современной точки зрения у нас не возникает сомнений в ее научном характере»²⁸.

2.8. Современные теории войны и мира

«Безопасность – одно из важнейших условий существования любой системы или института. Именно условие, а не цель, поскольку целью должно быть нечто большее, качественно иное, более высокое и содержательное. Сама идея безопасности возникла как вполне естественная реакция на постоянно существующие угрозы, характеризующие состояние мира. В таком мире необходимо выживать, а значит либо нейтрализовать угрозы (т. е. быть способным дать отпор или одержать победу), либо быть настолько сильным, чтобы у реального и потенциального противника не возникло желания нанести какой-либо вред. Естественно, что основное условие успешного решения этих задач – обладать достаточной силой.

«Традиционно безопасность означала не только и не столько неизблемость внутренних структур общества, – пишет известный российский исследователь Н. Косолапов, – сколько некую, всегда относительную, степень его защищенности от перспективы стать жертвой прежде всего именно кровавых и физических форм насилия. Страх перед таким насилием и породил готовность противостоять ему любыми средствами, в том числе и собственным упреждающим насилием, а также нейтрализовывал или вовсе устранял ограничения, идущие из сферы духа: от разума, морали, здравого смысла».

На этой основе, как справедливо отмечает Н. Косолапов, сформировалось особое понимание государственного суверенитета, отождествляемого с правом на самостоятельный выбор средств и инструментов обеспечения безопасности. Это, на наш взгляд, определило различное толкование самого термина «безопасность» между представителями академического сообщества и политическими деятелями, несущими прямую ответственность за свои решения и действия. Между первыми и вторыми, как показывает анализ официальных документов США и знакомство с работами ведущих аналитиков – специалистов международных или «стратегического анализа». Мы нашли, что в академической среде понятие «безопасность» эволюционировало и, часто опережало реальность. Хотя следует отметить, что политико-силовое мышление, зарождение которого порой связывают с именем Н. Макиавелли,

²⁸ Гольшева О. Н. Научный характер геополитики / О. Н. Гольшева // Вестник ВятГУ. – 2016. – № 10. – С. 12-16. – С. 14-15.

развившись в школу «политического реализма», как раз и позволяет наиболее адекватно оценить содержание и понимание государственными деятелями понятия «безопасность».

"Безопасность, – пишет А. Уолферс, – объективно означает отсутствие угрозы основным ценностям, субъективно – отсутствие страха, что этим ценностям действительно что-то угрожает". Практически все документы, посвященные формированию национальной стратегии США, начинаются с определения основных американских ценностей и выявления главных угроз им. Важнейшая логически-дедуктивная цель национальной безопасности – самосохранение нации как особой культурно-исторической, политической общности, что подразумевает защиту государственного строя, национальных идеалов, традиций, стиля жизни. При этом в американской традиции, безопасность как таковая не является ценностью.

Практически невозможно объективно определить или измерить степень безопасности государства. Шкала национальных интересов позволяет судить о степени национальной безопасности. Поскольку государство не способно достичь абсолютной безопасности, важно зафиксировать приемлемый уровень «небезопасности». В Соединенных Штатах, с этой целью исполнительные ведомства формируют шкалу национальных приоритетов, содержание которой и становится предметом политических дискуссий и компромиссов между сторонниками того или иного внешнеполитического курса.

С первых лет существования Соединенных Штатов были обозначены фундаментальные национальные ценности и идеалы, однако их восприятие конкретным субъектом в конкретное время было и будет различным. Учитывать этот факт необходимо, когда предметом научного исследования является стратегия национальной безопасности. Она должна рассматриваться в динамике, ибо, будучи одним из практических воплощений геополитических представлений, американская стратегия не могла не меняться вместе с изменениями международной обстановки. "Национальная безопасность не существует в вакууме, – пишет Д. Кауфман, – она определяется в контексте международной и внутренней ситуации".

Проведенное нами исследование показало, что среди американских ученых отсутствует единство в определении понятия "национальная безопасность". У.Липпман, например, определял "национальную безопасность" в категории "национальных интересов". "Государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои законные интересы с целью избежать войны и когда оно в состоянии, при необходимости, защитить эти интересы с использованием военной силы". А.

Уолферс характеризовал "национальную безопасность" как двусмысленный символ, возможно совсем не имеющий какого-либо точного определения.

Известный американский политолог Р. Барнет, так же как и Уолферс, считает, что со времени принятия Соединенными Штатами в 1947 г. закона о национальной безопасности это понятие выглядит очень туманно: "Достаточно было заявить, что у Америки есть враги и что противопоставить им надо наращивание вооруженных сил и – время от времени – их применение". Именно к этому исследователь сводит свое определение "национальной безопасности".

По нашему мнению, можно выделить несколько причин, не позволивших академическому сообществу США достичь единого мнения в определении терминологического аппарата. Во-первых, все, что связано с национальной безопасностью в США изначально подвергалось сильной политизации. Тема всегда была и остается конъюнктурной, что мешало проведению серьезного научного анализа. От академической общественности требовали конкретных рекомендаций и предложений. При этом государственную поддержку получали те ее представители, которые отвечали задачам, преследуемым конкретным ведомством или группой лиц, игравшим определяющую роль в формировании национальной стратегии на данном историческом этапе. Как следствие, небольшое количество исторических исследований по данной теме. "Мы потеряли чувство истории, – пишет С. Саркисян, – когда рассуждали о национальной безопасности и национальных интересах"²⁹.

«... большая часть современных вызовов и угроз международной безопасности требует для своего решения новых, прежде всего невоенных подходов. Это относится не только к решению экономических проблем и проблемы деградации окружающей среды, но и к совместному поиску правового разрешения противоречия между стремлением к самоуправлению и групповой самоидентификации и сохранением целостности государств, между ростом сепаратизма и нерушимостью границ, между стремлением субнациональных групп и регионов к суверенитету и суверенитетом нации-государства, частью которого они являются. В этом отношении нельзя не согласиться с выводом о том, что «война создает больше проблем, чем она может решить. Спорный триумф НАТО в Косово создает больше проблем, чем решает их» ...

Сегодня основные вызовы безопасности связаны с глобальным кризисом систем общественной и политической организации и идеологических устоев. Обобщая выводы, касающиеся данной проблемы и содержащиеся в

²⁹ Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 253-255.

отечественной и зарубежной литературе, можно выделить четыре группы вызовов.

Вызовы, относящиеся к первой группе, касаются меняющегося места государства в составе акторов международных отношений. Особую тревогу вызывают некомпетентность и неэффективность государств во взаимодействии с новыми акторами. Как мы уже видели, в условиях глобализации всюду наблюдается снижение значимости роли государства. Но особенно это относится к государствам, применительно к которым французский социолог Б. Бади использовал термин «импортированные государства». Примеры таких государств – Заир, Афганистан, Сомали, Бурунди ... Б. Бади доказывает, что государство – это исторический продукт социокультурного развития. Оно должно формироваться постепенно и органично. Насаждение европейских по своему происхождению государственных институтов на иную культурную почву не приносит быстрых положительных плодов. А, например, Р. Каплан пишет: «Не будем забывать, что государство – чисто западное понятие, которое до двадцатого века относилось к странам, покрывающим только три процента земной суши. Не существует достаточно убедительных свидетельств того, что государство как идеал правления может привиться в регионах, находящихся за пределами индустриального мира. Даже Соединенные Штаты Америки, по словам одного из лучших ныне живущих поэтов Генри Снайдера, состоят из произвольных и неточных конструкций, наложенных на объективно существующие реальности». Функции государства связаны с накоплением общественного богатства путем создания эффективной экономической системы; с содействием созданию в обществе единства интересов, ситуации компромисса и согласия, личной ответственности за всеобщее благо. Только монополии на насилие сегодня уже недостаточно, к тому же ее значительно труднее обеспечить.

Ситуация обостряется и вследствие роста антигосударственных тенденций. Воздействие СМИ ведет к разрыву между ожиданиями граждан и возможностями государств. Сегодня возможности масс-медиа выходят далеко за рамки государственных границ. Предлагая людям своего рода новый «опиум для народа», нечто вроде «лучшего из миров», новейшие и все более соблазнительные развлечения, частные и транснациональные электронные СМИ объективно, а иногда и целенаправленно отвлекают людей от негативных последствий глобализации, от национальных гражданских задач, противопоставляя «подавляющее воздействие государства на личность» «освободительным» процессам «планетарной культуры», разрушая лояльность людей по отношению к «своему» государству ...

Дестабилизирующее влияние на государства оказывают трансграничные переливы краткосрочных капиталов, действия международных финансовых спекулянтов. Теневая экономика подрывает хозяйственную деятельность государства как на внутриобщественном, так и на международном уровне (преступники договариваются быстрее и эффективнее, чем государственные деятели, а договариваются они против государства). Все чаще наблюдается симбиоз преступных групп с государственными структурами, в которые эти группы проникают. Возникают взаимопереплетающиеся структуры, которые, подобно государству, осуществляют социальный контроль, распределение благ и так же, как государство (а по сути, за его счет), требуют лояльности к себе. География таких структур редко совпадает с государственными границами. Это сопровождается распространением финансовых преступлений среди транснациональных деловых кругов, работников крупнейших банков с ежегодным оборотом, превышающим суммы в тысячу млрд. долларов, т. е. больше, чем национальный доход стран, представляющих треть человечества.

Формируются архаические общности на основе племенной, этнической, религиозной идентификации. Это несет в себе угрозы сепаратизма, этнического и религиозного экстремизма. Нередко такие общности сращиваются с терроризмом, используют террористические способы достижения своих целей. С этим связана угроза локальных войн и выхода вооруженных конфликтов на региональный уровень.

Вторая группа вызовов международной безопасности связана с нарастанием экономического разрыва и социальной разобщенности между странами, народами и социальными группами. Завоевание транснациональными компаниями все новых рынков сопровождается разрушениями целых отраслей промышленности во всех регионах мира с такими социальными последствиями, как безработица, неполная занятость, которые охватывают сегодня около 1 млрд. человек. Большинство из них проживают в беднейших странах мира. В 1960 г. 20 % самых богатых людей мира обладали доходом, который превышал доход 20 % самых бедных в 30 раз. Сегодня эта цифра увеличилась до 82. Из 6 млрд. населения мира только 500 млн. людей живут в достатке, в то время как остальные 5,5 млрд. испытывают потребности в самом необходимом ... «Золотой миллиард», в свете этих цифр, выглядит преувеличенным ровно вдвое.

Реальным становится риск вытеснения беднейших стран на обочину мирового развития. Возрастают тенденции миграции из бедных в более богатые

государства. Последние стремятся отгородиться от мигрантов из бедных стран ужесточением погранично-визового контроля»³⁰.

2.9. Конкурирующие теории мирового порядка

«Во второй половине 1980-х гг., по словам Оле Вэвера, дисциплина выходит за рамки несовместимости реалистической и либеральной парадигм. С конца 1970-х гг. реалистическая школа приобрела в неореализме законченный вид, у либерализма также появляется приставка "нео", что было призвано подчеркнуть отличие современной версии от более ранних (прежде всего, коммерческого либерализма, связывающего развитие свободной торговли и обеспечение мира, и республиканского, настаивавшего на том, что распространение демократии гарантирует достижение мира). Как и неореалисты, неолиберальные институционалисты восприняли системный подход к анализу международных отношений, но в отличие от них уделяли большее внимание тому, каким образом способствуют сотрудничеству международные институты. На этом стоит остановиться подробнее.

Неолиберальные институционалисты, даже те, кто концентрируется на исследовании транснациональных отношений, не отрицают, что "государства были и остаются наиболее важными акторами в мировых делах". Кроме этого, они принимают посылку о децентрализованности международной системы. Однако подчеркивают, что одновременно международная система является институционализированной. Институционализация мировой политики имеет большое влияние на поведение правительств. "Это означает, – пишет Роберт Кеохейн, – что участники [международных отношений] признают, что их поведение отражает установленные правила, нормы и обычаи, и значение поведения [игроков] интерпретируется в их свете". Таким образом, хотя государства и находятся в центре рассмотрения неолиберальных институционалистов, куда большее значение в их анализе международных отношений играют "международные институты". Под последними понимается "устойчивый и связанный набор правил (формальных и неформальных), которые предписывают поведенческие роли, ограничивают деятельность и формируют ожидания". Международные институты выступают в трех формах: формально установленных межправительственных или транснациональных неправительственных организаций; международных режимов и обычаев. Что касается последних, то они понимаются как неформальные институты,

³⁰ Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 334-337.

незафиксированные формально правила и принципы взаимопонимания, которые формируют ожидания акторов относительно того, как будут реагировать на их действия иные "игроки". Часто "обычай" определяется как "спонтанный порядок". Примерами этой формы международных институтов могут служить дипломатический иммунитет, который был "обычаем" на протяжении столетий до того момента, как был кодифицирован формальными международными соглашениями в 1960-е гг. Принцип взаимности во взаимоотношении акторов международных отношений также можно рассматривать как "обычай". Во временном измерении "обычай" рассматриваются предшествующими установлению режимов и учреждению международных организаций.

Неолиберальные институционалисты подчеркивают, что даже если государства определяют свои интересы "автономно", то международные институты важны, так как оказывают влияние на "побуждения" к действию государств. "Международные институты делают возможным для государств такие действия, которые в другом случае были бы невозможны: например, обращение в Генеральному секретарю ООН с просьбой посредничества между Ираном и Ираком, или апелляция к режиму нераспространения в оправдание отказа поставок ядерного оборудования Пакистану".

Концепция международных режимов получила самостоятельное звучание в рамках неолиберального институционализма. В начале 1980-х гг. появилось достаточно много исследований в этой области, активизировала дискуссии вокруг этой концепции публикация ряда статей в сборнике "Международные режимы". Режимы определяются как "совокупность подразумеваемых или явно выраженных принципов, норм, правил, процедур принятия решений, вокруг которых в данной сфере международных отношений ожидания акторов сходятся". Нормы определяются учеными как "стандарты поведения, определяемые в терминах прав и обязанностей". "Правила – это специальные предписания действий или их запрещения". "Процедуры принятия решений представляют собой превалирующую практику принятия и исполнения коллективных решений". Наиболее яркими и зримыми примерами международных режимов являются, пожалуй, международная валютная и торговая системы, сложившиеся во второй половине XX в. Неолиберальные институционалисты указывают на то, что период после Второй мировой войны богат на формирование различных режимов, основная часть которых лежит в области мировой политэкономии (одним из немногих исключений является режим нераспространения ядерного оружия).

Говоря о "преодолении несовместимости" реалистической и либеральной парадигм в ТМО, О. Вэвер отмечает, что в исследовательскую повестку входит

"синтез нео-нео". Подразумевается, что "водораздел" между ними смягчается, и обе парадигмы разделяют некоторые общие положения. Они делают своеобразный шаг навстречу друг другу. Так, например, один из представителей неореализма Барри Бузан называет себя "либеральным реалистом". Не отрицая реалистический тезис об анархичности международной среды, он отмечает, что в целом природа международных отношений меняется в сторону "зрелой анархии", признавая тем самым институционализированность современной международной системы.

Что касается появления некоторых "точек пересечения" двух парадигм, то, прежде всего, это предположение о децентрализованной (анархичной) международной системе и вывод о том, что существенную роль в познании законов системы играет ее структура, а также "серьезное отношение к государственной мощи". Дискуссии между неолиберальным институционализмом и неореализмом строятся на нескольких узловых моментах. Первое: природа и последствия анархичности международной системы. "Хотя никто не отрицает, что международная система анархична, существуют разногласия относительно того, что это значит и почему это важно", – отмечает Дэвид Болдуин. Второе: хотя обе стороны согласны с тем, что международное сотрудничество возможно, они различаются в том, что касается легкости и вероятности его достижения. Третье: реалисты делают акцент на относительных преимуществах сотрудничества ("кто что получает?"), в то время как неолиберальные институционалисты – на абсолютных преимуществах сотрудничества ("это выгодно всем"). Четвертое: и неолиберальные институционалисты, и неореалисты согласны, что как приоритетные цели государств важны соображения и национальной безопасности, и экономического благосостояния, однако они различаются в том, как расставляются акценты в этих целях. Пятое: неореалисты в своем анализе фокусируют внимание на возможностях государств, в то время как неолиберальные институционалисты – на их намерениях. Наконец, шестое: обе стороны признают множественность международных режимов, возникших после 1945 г. Однако они различаются по тому, каково их значение»³¹.

«Большинство исследователей как на Западе, так и у нас в стране полагают, что независимо от позиции отдельных политических деятелей США и при всей бесспорности экономической, технологической, военной, информационной, культурной мощи этой страны, ее демократического имиджа единоличное американское лидерство на мировой арене невозможно по

³¹ Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с. – С. 87-89.

причине ограниченности даже тех огромных ресурсов, которыми она располагает в настоящее время ...

Некоторые из них, правда, считают, что уже сегодня, фактически, сформировался «глобальный управляющий центр в виде «семерки», который с известной долей условности можно ... рассматривать как прообраз будущего «мирового правительства» ...». Автор оговаривается, что данную идею не следует понимать упрощенно, подчеркивая, что речь идет об объективном процессе. И действительно, многое в развитии современных международных отношений выглядит подтверждением высказываемых Хрустальевым взглядов. И все же главный вывод о «глобальном управляющем центре» вызывает сомнения: так же как и многие другие новые положения, он порывает с историей международных отношений, не принимая во внимание характерного для всех ее этапов расхождения социально-политических интересов главных действующих лиц. Разногласия между США и другими членами «семерки» не следует, конечно, абсолютизировать, но не стоит их и преуменьшать. Поэтому согласованное «единоличное» управление мировой политикой со стороны «семерки», а тем более превращение ее в «мировое правительство» не выглядит правдоподобным. Кроме того, мировая политика не сводится к «управлению» взаимозависимыми экономиками. На практике это нашло свое подтверждение в следующем. Вывод, согласно которому «формирование единого правового пространства вступает в заключительную фазу» ... был опрокинут бомбардировками Белграда буквально через считанные дни после того, как он был сделан.

Еще одна концепция глобального миропорядка сформулирована другим отечественным ученым, Н. В. Загладиным. С его точки зрения, путь к новому мировому порядку проходит через создание взаимодействующих «единых пространств». Факторами единства уже существующих (ЕС, НАФТА и др.) и формирующихся новых «пространств» и «подпространств» являются интеграция производства и капитала, объединенных в структурах ТНК и ТНБ, а также общность интересов, связанных с преодолением «нового мирового беспорядка». Данная концепция очень близка к уже упоминавшейся выше и получающей все более широкое распространение в западной литературе концепции «управления» (governance). Рассмотрим ее несколько более подробно.

Понятие управление с середины 1990-х гг. использовалось международными финансовыми организациями для обозначения институтов, политической практики, способов управления, применяемых руководителями государственных и частных предприятий в работе с развивающимися странами. Оно нашло подтверждение и в документах ОЭСР. Согласно положению

Комиссии по глобальному управлению (The Commission of Global Governance, 1995), планетарные вызовы требуют сближения позиций и взглядов подлинного «международного сообщества». Концепция управления развивается в работах таких известных авторов, как Дж. Розенау, О. Янг, Т. де Монбриаль, М. К. Смутс и др., и тесно соприкасается с теорией международных режимов. В ее основе лежит уже известная идея об упадке роли государства в международных отношениях и возрастающем значении других действующих лиц – транснациональных предприятий и фирм, НПО, частных групп давления, социальных движений, разного рода бюрократических структур и т. п. Т. де Монбриаль обозначает таких акторов термином «unites actives», под которым понимается любая организованная группа, обладающая ресурсами в широком смысле этого слова и способная ставить перед собой определенные цели и стратегии и достигать их. С этой точки зрения глобализация ведет к тому, что в контексте международных отношений формируется разнородная совокупность институциональных структур и практических действий, способствующих созданию нового международного порядка. При этом понятие управления подразумевает, что наблюдающийся уже в наши дни процесс функциональной унификации мира, углубление (что не означает завершения) которого, возможно, произойдет в XXI в., не приведет к созданию «мирового правительства» ...

Дж. Розенау считает, что после холодной войны для международной политики свойствен рост уровня институализации и резкое увеличение числа регулятивных механизмов. В отсутствие какой-либо наднациональной по своему характеру верховной власти это означает формирование «правления без правительства», другими словами, создание совместными действиями новых акторов системы управления на основе общих ценностей. Такое управление (элементы которого, кстати, уже существуют как эмпирический глобальный порядок ...), как правило, не нуждается в средствах принуждения, поскольку в основе его лежит согласие акторов по поводу его основных целей. Тем самым происходит переход от централизованной и иерархизированной системы властных отношений к новой, не имеющей каких-либо определенных контуров, системе – системе неформальных связей и институтов, выполняющих взаимодополняющие функции для достижения сближающихся целей сотрудничества.

О. Янг утверждает, что, несмотря на отсутствие легитимной принудительной власти, действия новых акторов, соблюдающих формальные и неформальные правила и опирающихся на межправительственные и неправительственные механизмы, являются предсказуемыми. Совокупность институтов, норм и процедур, которые дают людям возможность выразить

свои стремления и бороться за свои интересы в относительно предсказуемом контексте, создают основы справедливого управления. Развитие этих систем регулирования международной политики подчинено утилитарным и прагматическим тенденциям и отражает не только соотношение сил, но и растущее сближение интересов.

Понимаемое таким образом управление международной жизни представляет собой постоянно продолжающийся процесс. Он преодолевает международную анархию, но, в отличие от режимов, никогда не представляет собой строго фиксированного состояния. Регулирование исходит не из некоего свода предустановленных правил, а представляет собой совокупность совместных действий, формирующуюся через обмены, переговоры, взаимные уступки и конфликты ... Поэтому тесная связь между понятиями *governance* и гражданское общество – это возникновение «транснационального гражданского общества и, следовательно, зародыша мирового общественного мнения, которое государства все больше и больше вынуждены принимать во внимание»³².

«Вестфальский мир следует трактовать как практическое приближение к реальности, он вовсе не демонстрирует какого бы то ни было уникального нравственного осознания. Этот мир опирается на сосуществование независимых государств, которые воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и амбиции прочих с принципом общего равновесия власти. Никакое единоличное притязание на обладание истиной, никакое универсальное правило не сумели воцариться в Европе. Вместо этого каждое государство обзавелось суверенной властью над своей территорией. Каждое соглашалось признавать внутренние структуры и религиозные убеждения соседей как жизненные реалии и воздерживалось от оспаривания их статуса. Подобный баланс сил отныне рассматривался как естественный и желательный, а потому амбиции правителей выступали противовесом друг другу, по крайней мере, в теории ограничивая масштабы конфликтов. Разделенность и многообразие (во многом случайно сложившиеся в развитии европейской истории) стали отличительными признаками новой системы международного порядка – с собственным мировоззрением, собственной философией. В этом смысле усилия европейцев по тушению их «мирового» пожара способствовали формированию и послужили прототипом современного подхода, когда от вынесения

³² Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2003. – 590 с. – С. 499-501.

абсолютных суждений отрекаются в пользу практичности и экуменизма; это попытка выстроить порядок на разнообразии и сдерживании»³³.

«При определении особенностей культурологического и цивилизационного подходов в философии истории возникают методологические затруднения, связанные с приданием операционального статуса понятиям «культура», «цивилизация», «культурно-исторический тип», «глобализация» и др. Часто даже в учебной литературе культурологический подход связывают с концепцией культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, а цивилизационный – с теорией цивилизаций А. Дж. Тойнби. На наш взгляд, в названных учениях выражена одна и та же идея – плюрально-циклического видения истории, а понятия «культура» и «цивилизация» используются практически как синонимичные. Представляется, что различие культурологического и цивилизационного подходов в философии истории связано в первую очередь с проблемой соотношения локально-культурного плюрализма человечества с его культурным единством и универсализмом.

Современный взгляд на культуру (при всем многообразии ее определений) исходит из факта множественности культур, качественно своеобразных и самобытных. Каждая культура имеет право на самостоятельное существование. Принцип равенства всех культур исключает не только какой-либо культуроцентризм (европоцентризм или востокоцентризм), но и любую претензию на духовное лидерство со стороны отдельной культуры»³⁴.

³³ Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова // Геополитика. – М.: АСТ, 2018. – 512 с. – С. 12-13.

³⁴ Королева Л. Г. Цивилизационный подход в современной философии истории / Л. Г. Королева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2019. – № 3 (51). – Т. 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnyy-podhod-v-sovremennoy-filosofii-istorii/viewer> (дата обращения: 02.01.2020).

ГЛОССАРИЙ

АВТОНОМИЯ (греч. *auto* – сам, и *nomos* – закон) – 1) ограниченная самостоятельность в рамках системы управления (автономия учреждений, автономия общностей); 2) закрепленная в законодательстве форма самоуправления территориальной единицы государства, которая проявляется в самостоятельном решении вопросов местного значения.

АГРЕССИЯ (лат. *aggressio* – нападение) – незаконные, запрещенные международным правом насильственные действия, направленные против суверенитета и территориальной целостности государства. Выделяют военную, экономическую, психологическую и идеологическую формы агрессии. В 1974 г. 29-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН утвердила определение агрессии как применение вооруженной силы против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства или какое-либо иное действие, несовместимое с Уставом ООН. В соответствии с Резолюцией, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 14.12.1974 г., в качестве актов агрессии квалифицируются следующие действия: 1) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, а также любая аннексия с применением силы территории другого государства или ее части; 2) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против другого государства; 3) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; 4) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы другого государства; 5) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения; 6) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства; 7) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам.

АНКЛАВ (фр. – *enclave*, от лат. *inclavo* – запираю на ключ) – территория государства, окруженная со всех сторон территорией другого государства (например, Лесото расположено внутри ЮАР). Анклав, имеющий морскую

границу, называют полуанклавом (например, Калининградская область в Российской Федерации).

АННЕКСИЯ (лат. *annexio* – присоединение) – захват, принудительное (насильственное) присоединение одним государством территории другого государства. Аннексия – одно из средств колониальной экспансии ... Гитлеровскими и японскими оккупантами аннексия осуществлялась в отношении захваченных ими территорий во время Второй мировой войны ... Аннексия противоречит принципам территориальной целостности, неприкосновенности и нерушимости государственных границ, запрещения применения силы (или угрозы силы) и поэтому является грубым нарушением современного международного права (согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 г. любая аннексия с применением силы рассматривается в качестве акта агрессии).

АРТИКУЛЯЦИЯ ИНТЕРЕСОВ (лат. *articulo* – расчленяю) – функция политической системы, состоящая в выявлении группами интересов, общественными организациями и политическими партиями требований индивидов и социальных групп, предъявляемых к политической системе. Термин введен в научный оборот классиком теории политических систем Г. Алмондом. К основным формам артикуляции интересов Алмонд относит голосование на выборах (массовые решения относительно политических лидеров и их программ), деятельность неформальных групп, общественных движений (коллективное действие, направленное на достижение общего интереса), непосредственный контакт (частные проблемы граждан), а также протестную деятельность (активно выраженная поддержка особых интересов).

БЛОК ПОЛИТИЧЕСКИЙ (англ. *block* – соглашение, союз) – объединение, союз государств, политических партий, общественных организаций, социальных групп для достижения определенных политических целей. Примерами политических блоков являются межгосударственный союз Франции, Великобритании и России (Антанта), противостоявший в Первой мировой войне коалиции государств во главе с Германией; фашистский военно-политический блок Германии, Японии и Италии, противостоявший антифашистскому блоку СССР, Великобритании, Франции и США во Второй мировой войне; военно-политические блоки стран Варшавского Договора и НАТО в период «холодной войны» и пр.

БЛОКАДА (англ. *blockade*, от *block* – преграда) – военная, экономическая, политическая изоляция объекта (военного формирования, города, государства) с целью принуждения его к выполнению определенных требований. Выделяют воздушную, сухопутную и морскую блокады. В современном международном праве блокада (если только она не введена по

решению Совета Безопасности ООН для поддержания или восстановления международного мира и безопасности) рассматривается как акт агрессии.

БОЙКОТ (англ. *boycott*, от *Boycott* – фамилии английского управляющего именем Ч. К. Бойкота, в отношении которого впервые в 1880 г. ирландскими арендаторами была применена эта мера) – форма политического протеста и метод политической борьбы, заключающийся в полном или частичном прекращении отношений с отдельным лицом, организацией, государством с целью принудить его удовлетворить политические и социально-экономические требования. Как деятельность, направленная на то, чтобы подвергнуть сомнению права определенного субъекта политических отношений выполнять свои функции, бойкот может приводить к существенным последствиям, поскольку несет в себе зачатки делегитимации как отдельных институтов власти и конкретных политических лидеров, так и политической системы в целом.

ВЛАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ – форма политической власти, предусматривающая наличие определенного территориального пространства, на которое распространяется государственный суверенитет, специального аппарата управления и принуждения, монопольного права издавать законы, обязательные для всего населения страны. К основным современным моделям организации государственной власти относят принцип разделения властей (на законодательную, исполнительную и судебную) и принцип единства государственной власти.

ВЛАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ – возможность и способность субъектов политики оказывать определяющее воздействие на процесс принятия политических решений, их реализацию, а также на политическое поведение других участников политических отношений.

ВОЙНА – вооруженное столкновение в ходе разрешения конфликтов, форма разрешения политического конфликта путем применения насилия. По выражению Карла фон Клаузевица, война является одной из форм продолжения политики и представляет собой «акт насилия, доведенный до крайности».

Выделяют *внешние* войны (*между государствами*) и *внутренние* (*гражданские*) войны, представляющие собой вооруженную борьбу между противостоящими социальными группами внутри государства. ... По способу ведения выделяют *войны партизанские, фронтовые* и *тотальные*.

Особой разновидностью внешних войн выступают так называемые *мировые войны*, характеризующиеся глобальным (охватывающим большую часть стран мира) противоборством политических коалиций.

...

С точки зрения современного международного права, война определяется как действия между государствами, национально-освободительными движениями и др., сопровождающиеся полным разрывом мирных отношений. Выделяются справедливые (правомерные) войны – коллективная самооборона против агрессии, принудительные вооруженные санкции по решению Совета Безопасности ООН, национально-освободительные войны и войны несправедливые (неправомерные), которые рассматриваются как тягчайшее преступление перед человечеством.

ГЕОПОЛИТИКА (греч. *ge* – земля и *politike* – политика) – политологическая концепция, исходящая из признания зависимости политических процессов от территориально-пространственного расположения государств. Геополитика изучает влияние географических факторов (пространственного расположения страны, климата, размера территории, количества населения, наличия естественных ресурсов и пр.) на состояние и эволюцию экономической, политической и социальной систем общества. ... К середине XX в. геополитика окончательно оформляется как самостоятельная область политической науки со своим предметом исследования и категориальным аппаратом. К основным понятиям и категориям, используемым в геополитических исследованиях, можно отнести такие, как *геостратегия* (основные направления деятельности государств), *геостратегические линии* (порядок пространственной организации основных политических сил), *геостратегические регионы* (зоны контроля и влияния регионообразующих государств), *геополитические регионы* (зоны устойчивых политических, экономических и культурных связей между государствами) и др., позволяющие описать модель *мирового геополитического пространства* в целом.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ (лат. *globus* – шар) – процесс расширения взаимосвязи и взаимовлияния различных стран и народов, снятие многочисленных барьеров между государствами и культурами, чему в значительной мере способствует использование современных информационных технологий. Глобализация – это процесс интенсификации экономических, финансовых, политических, военных, культурных, идеологических связей и зависимостей между сообществами, что приводит к униформизации мира во всех областях и появлению социальных связей в наднациональном масштабе.

ГЛОБАЛИСТИКА ПОЛИТИЧЕСКАЯ (лат. *globus* – шар) – направление в политологии, ориентированное на исследование политических аспектов общечеловеческих, планетарных проблем и их связи с системой международных отношений, изучение конкретных проявлений глобальных проблем в различных регионах мира, а также формирование теоретико-методологических основ политико-глобалистских исследований.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (лат. *globus* – шар) – противоречия и проблемы, характеризующиеся общепланетарными масштабами проявления, большой остротой и динамизмом. Современная политическая наука относит к глобальным проблемы, выступающие в качестве важнейшего фактора развития цивилизации, затрагивающие жизненные интересы всего человечества и требующие для своего разрешения коллективных усилий всего мирового сообщества.

ГОСПОДСТВО (доминирование) – 1) абсолютное или относительное подчинение одних людей (социальных групп) другим; 2) ситуация, в которой асимметричные отношения власти возникают между группами, причем одна из этих групп имеет возможность обеспечить свои интересы ценой интересов или вопреки интересам другой.

ГОСУДАРСТВО – центральный институт политической системы общества, создаваемый для организации и обеспечения жизнедеятельности населения на определенной территории с помощью публичной власти, имеющей общеобязательный характер. Это важнейший социально-политический институт общества, осуществляющий политическую власть в процессе регулирования поведения людей (в том числе их групп и объединений) и взаимоотношений между ними, а также охраняющий его экономическую и социальную структуры; «часть общества, имеющая власть и силу, а также возможность распределять общественные ресурсы и средства» (Н. Смелзер). Свойствами государства выступают универсальность (способность управлять всеми общественными процессами) и суверенность (распространение власти на всю территорию государства, а также независимость и равноправие в отношениях с другими государствами). Обладает рядом исключительных прав: на использование насилия (принуждения), на правовое регулирование, на взимание налогов и др.

ГРУППЫ ДАВЛЕНИЯ (ЛОББИ) (англ. *lobby* – кулуары) – организованные группы (объединения, профсоюзы, корпорации и пр.), основной задачей которых является целенаправленное воздействие на органы государственной власти, политические партии и политических лидеров с целью обеспечения своих интересов (лоббирование).

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ – неправительственные и непартийные общественные объединения, которые выражают интересы определенных социальных групп в отношениях с политическими институтами и организациями, а также с другими социальными группами. В отличие от политических партий, не ставят целью достижение политической власти и не принимают непосредственного участия в политических кампаниях.

...

В современном мире группы интересов, представляющие собой объединения людей для совместного отстаивания и реализации общих интересов, являются одним из доминирующих социально-политических институтов. К наиболее заметным и влиятельным группам интересов относят *группы интересов предпринимателей* (представляющие интересы бизнеса), *профсоюзы* (защищающие интересы наемных работников) и *группы общественных интересов* (выражающие коллективный интерес – союзы в защиту гражданских прав, общества потребителей, экологические движения и пр.). Организованные группы интересов для более эффективной реализации своих интересов создают специальные структуры – *группы давления* (лобби).

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ (лат. *de* – возращение и *centralis* – центральный) – делегирование центральными органами государственной власти определенных полномочий на местный уровень.

ДИПЛОМАТИЯ (греч. *diploma* – складывать) – один из основных способов реализации внешней политики государства, официальная деятельность глав государств, правительств и специальных государственных органов по осуществлению целей и задач государства, а также по защите интересов государства и граждан за границей. Американский политолог Г. Моргентау в работе «Международная политика» сформулировал «четыре основных правила» дипломатии: 1) дипломатия должна быть свободна от духа крестовых походов; 2) внешнеполитические цели должны формулироваться сквозь призму национального интереса и поддерживаться национальной мощью; 3) дипломатия должна видеть политическую ситуацию с точки зрения других стран; 4) государства должны быть готовы к компромиссу по всем вопросам, которые не являются для них жизненно важными.

ИДЕОЛОГИЯ (греч. *idea* – понятие и *logos* – учение) – система политических, правовых, религиозных, философских представлений, взглядов и идей, отражающих интересы, мировоззрение, идеалы людей, социальных групп, политических партий, общественных организаций и общества в целом. Идеология – духовное образование, так как выходит за рамки повседневного эмпирического опыта, но при этом идеология имеет и практическое значение – она сплачивает людей, определяет их мотивацию. Используя определенную систему ценностей, она формирует индивидуальное и массовое сознание, закрепляет цели и программы, определяющие характер и направления развития социальных отношений.

ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ (лат. *institutum* – установление) – элемент политической системы, существующий в виде организаций, учреждений, объединений граждан и выполняющий специальные функции в политической жизни общества. Характерными особенностями политического

института являются четкая внутренняя структура (организация), определенное место в политической системе. К политическим институтам относят государство, политические партии, общественно-политические организации и движения.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО (лат. *informatio* – осведомление, просвещение) – существующая в современной науке концепция, используемая для описания качественно нового этапа общественного развития, в который вступили развитые страны с началом информационно-компьютерной революции. Своим названием концепция «информационного общества» обязана профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши, чей термин был использован в появившихся практически одновременно – в Японии и США – работах Ф. Махлупа (1962) и Т. Умесао (1963). Теория «информационного общества» была развита такими учеными, как Й. Масуда, М. Порат, Т. Стоунер, Р. Кац и др.

Концепция «информационного общества» указывает на принципиально иной характер трансформации общества в постиндустриальную, постмодернистскую эпоху, чем описанный в большинстве теорий «постиндустриального общества», разработанных на основе анализа ситуации 50–70 гг. XX в. Создатели теории «информационного общества» исходят из его определения как многогранного феномена, имеющего сложную структуру, но, тем не менее, обладающего рядом определенных признаков, выявление которых и позволяет говорить о нем как об отдельном, самостоятельном феномене. Главной характеристикой «информационного общества» является принципиально новый общественный порядок, в котором важнейшим ресурсом становятся информация и знание.

КОАЛИЦИЯ (лат. *coalitio* – союз) – 1) союз государств, политических партий, общественно-политических организаций для достижения общих целей: политических, экономических, военных (Антанта – в Первой мировой войне, антигитлеровская коалиция – во Второй мировой войне и пр.); 2) объединение в парламенте нескольких политических партий для создания правительства.

КОНФЕДЕРАЦИЯ (лат. *confederatio* – союз, объединение) – форма межгосударственного объединения, союз государств для выполнения определенных задач: экономических, политических, военных и др. Входящие в конфедерацию государства сохраняют свой суверенитет и имеют собственные органы государственной власти. Для координации действий в конфедерации, как правило, создаются общие органы власти и управления. До конца XIX в. конфедерация рассматривалась как тип государственного устройства. ... Для конфедерации характерны следующие черты: образование на основе специальных договоров; право свободного выхода из конфедерации;

сохранение суверенитета у государств, входящих в конфедерацию; отсутствие союзного гражданства и др. Как показывает история, конфедерации являются весьма неустойчивыми государственными образованиями, которые либо распадаются, либо преобразуются в федеративные государства.

КОНФЛИКТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ (лат. *conflictus* – столкновение) – вид политического процесса, характеризующийся резким противоборством, столкновением политических сил, обусловленным противоположностью их политических интересов, ценностей и взглядов.

К основным видам политического конфликта относят: 1) **конфликт интересов** (вызванный столкновением политических и социально-экономических целей); 2) **конфликт ценностей** (связанный с противоборством различных идеологических течений, политических ценностей и ориентаций); 3) **конфликт идентичности** (обусловленный процессом отождествления, идентификации индивидами или социальными группами своей принадлежности к той или иной общности).

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – состояние системы международных отношений, характеризующееся стабильностью мирового сообщества, основанной на соблюдении принципов и норм международного права. основополагающие принципы международной безопасности в современном мире – партнерство и сотрудничество, баланс сил и баланс интересов, демократизация и демилитаризация, гуманизация международных отношений.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА (греч. *politike* – искусство управления государством) – деятельность субъектов международных отношений, направленная на согласование их интересов. Является важным механизмом поддержания стабильности и мира, развития равноправных международных отношений.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО – система договорных, юридически закрепленных норм и принципов, регулирующих отношения между государствами и другими субъектами международных отношений. К основным принципам международного права относят: принцип мирного сосуществования, принцип суверенного равенства государств, принципы нерушимости государственных границ и территориальной целостности государств, принцип мирного урегулирования конфликтов, принцип уважения прав человека. Принципы международного права закреплены в международных соглашениях и договорах. Основным международно-правовым документом современности, в котором сформулированы главные принципы международного права и способы их реализации, является Устав Организации Объединенных Наций, принятый в 1945 г. государствами-основателями ООН.

Важнейшие принципы современной международной политики изложены также в «Декларации о принципах международного права» (1970), «Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств» (1981), во «Всеобщей Декларации прав человека» (1948), «Заключительном акте СБСЕ» (1975), «Парижской хартии для новой Европы» (1990) и др.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ (фр. *organisation*, от лат. *organizo* – придаю стройный вид, устраиваю) – одна из основных организационно-правовых форм международного сотрудничества в современном мире; добровольные организации, деятельность которых охватывает самые разные аспекты международных отношений: экономические, политические, культурные.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – система экономических, политических, социальных, дипломатических, правовых, военных и культурных связей и взаимодействий, которые возникают между различными субъектами мирового сообщества. Основными субъектами международных отношений являются государства.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (фр. *national*, от *nation* – нация и лат. *natio* – народ, нация) – совокупность внутренних и внешних условий, выполнение которых обеспечивает стабильное политическое, социально-экономическое и духовно-культурное развитие общества, независимость, защиту суверенитета и территориальной целостности государства.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС (фр. *national*, от *nation* – нация и лат. *natio* – народ, нация) – реальные причины действий государства, направленных на обеспечение стабильности его функционирования и развития; совокупность национальных целей и базовых ценностей, играющих важную роль в сфере национальной безопасности.

НАЦИЯ (лат. *natio* – народ, нация) – историческая общность людей, которая складывается в процессе формирования общности их территории, экономической жизни, культуры, языка и особого самосознания.

НЕЙТРАЛИТЕТ (лат. *neutralis* – не принадлежащий никому) – международно-правовой статус государства, предполагающий отказ от участия в вооруженных конфликтах, войнах, а также от вступления в военно-политические блоки и союзы.

ПАНСЛАВИЗМ (греч. *pan* – все и *slavus* – славянин) – идейное и политическое движение, возникшее в XIX в. и направленное на культурное и политическое объединение славянских народов. В научный оборот термин введен в начале 40-х годов XIX в.

ПАЦИФИЗМ (лат. *pacificus* – миротворческий) – 1) осуждение войны, отказ от применения насилия как средства осуществления власти, политики; 2)

антивоенное общественно-политическое движение, выступающее против применения военной силы для разрешения политических конфликтов.

ПОЛИТИКА (греч. *politike* – искусство управления государством) – деятельность индивидов и социальных групп, связанная с отношениями по поводу завоевания, удержания и использования власти с целью реализации своих интересов. Автором термина считается Аристотель, определивший политику как цивилизованную форму общности, служащую достижению «общего блага». К основным современным подходам к определению политики относят: коммуникативный (политика как сфера интеграции или борьбы индивидов и социальных групп), директивный (политика как отношения по поводу власти), функциональный (политика как деятельность по управлению).

Внутренняя структура политики может быть описана с помощью трех основных понятий: 1) формы (которая отражает ее организационную структуру: институты политической системы – государство, его составные части и органы власти; партийную систему; группы интересов; социальные нормы – обычаи, традиции, законы и др.); 2) содержания (которое проявляется в ее целях, установках и ценностях, а также в мотивах и механизмах принятия решений); 3) процесса (отражающего характер реализации власти между различными субъектами – индивидами, группами, организациями).

ПОЛИТОЛОГИЯ (греч. *politike* – политика и *logos* – учение) – наука о политике; наука о сущности, формах и закономерностях возникновения, функционирования и развития политических систем, политических явлений и процессов, их месте и роли в жизни общества.

...

К основным функциям политологии относят: *методологическую* (выработка эффективных способов познания политической реальности), *гносеологическую* (раскрывает закономерности развития и функционирования политики), *аксиологическую* (дает оценку различным политическим явлениям и процессам), *практическую* (политическое проектирование, разработка эффективных методов управления политическими процессами), *прогностическую* (определение возможных направлений развития политических отношений), а также *функцию политической социализации* (формирование политических ценностей и моделей поведения).

ПРОПАГАНДА ПОЛИТИЧЕСКАЯ (лат. *propaganda* – подлежащее распространению) – деятельность по распространению специально подготовленной информации и, как правило, популистских идей. Ее цель – сформировать определенное отношение к политическим институтам, лидерам, политической системе в целом, а также выработать определенные модели политического поведения.

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ (греч. *politike* – политика) – одна из форм политического процесса, отражающая процесс изменения политической системы, позволяющий ей адаптироваться к новым условиям социально-политической жизни. Термин был введен в научный оборот в середине XX в. для отражения динамики политической жизни. Становление теории политического развития связывается с концепцией социальных изменений Т. Парсонса в рамках структурного функционализма.

РЕЖИМ ПОЛИТИЧЕСКИЙ (фр. *regime* – управление) – функциональный аспект политической системы; совокупность методов, средств и способов реализации политической власти. Для анализа современных политических систем принята классификация политических режимов, исходящая из их разделения на *демократические* и *недемократические (автократические)*. К основным разновидностям автократических режимов относят *тоталитаризм* и *авторитаризм*.

РЕСУРСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (фр. *ressource* – вспомогательное средство) – совокупность средств, применение которых обеспечивает возможность субъекту власти осуществлять определяющее воздействие на деятельность и поведение объекта. ... выделяют: 1) *экономические ресурсы* (материальные и нематериальные блага, ценности, связанные с удовлетворением повседневных потребностей человека и общества, – деньги, товары, услуги, льготы, субсидии и пр.); 2) *социальные ресурсы* (социальная мобильность – возможность изменения социального статуса); 3) *силовые ресурсы* (оружие, институты принуждения – армия, полиция, служба безопасности, суды, прокуратура и пр.); 4) *нормативные ресурсы* (правовые, религиозные, обычные и др. социальные нормы – законы, распоряжения, обычаи, традиции, моральные нормы и пр.); 5) *культурно-информационные ресурсы* (знания, информация, учебные заведения, научные учреждения, средства массовой коммуникации и другие). Специфическим ресурсом власти является *демографический ресурс*.

РЕФЕРЕНДУМ (лат. *referendum* – то, что должно быть сообщено) – важнейшая форма непосредственной демократии, способ принятия гражданами путем голосования законов и решений по важнейшим вопросам общественной жизни. Выделяют референдумы общенациональные и местные, факультативные и обязательные, решающие и консультативные.

СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКАЯ (лат. *stabilis* – постоянный, устойчивый, греч. *politike* – политика) – состояние политической системы, характеризующееся устойчивостью ее основных элементов, стабильностью в выполнении своих функций и во взаимоотношениях с другими политическими системами.

СТЕРЕОТИП ПОЛИТИЧЕСКИЙ (гр. *stereos* – твердый и *typos* – отражение, греч. *politike* – политика) – упрощенное, схематическое представление о политическом объекте. Термин «стереотип» впервые был введен У. Липпманом в 1922 г. для обозначения распространенных в общественном мнении предвзятых представлений о разных национально-этнических, социально-политических и профессиональных группах. Признаками стереотипа являются эмоциональная окрашенность (помимо информации, стереотип несет в себе позитивное или негативное отношение к чему-либо или кому-либо) и большая устойчивость, так как стереотип напрямую не связан с реальной действительностью и базируется на ограниченном политическом опыте. Политические стереотипы значительно упрощают процессы ориентации и принятия решений, способствуют формированию политической идентичности. Искажая представление о политических объектах, они достаточно часто являются средством политического манипулирования.

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ (фр. *souverainete* – верховная власть) – политико-правовое свойство государственной власти, определяющее ее верховенство (полноту и неделимость власти внутри территории страны, исключительное право на установление правовых норм, регулирующих всю систему общественных отношений, определение правового статуса органов государственной власти и местного самоуправления, применение насилия, определение прав и свобод граждан и пр.) и независимость (самостоятельность и равноправие в международных отношениях).

СУВЕРЕНИТЕТ НАРОДНЫЙ (фр. *souverainete* – верховная власть) – полновластие народа, который выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в государстве. Народ осуществляет власть непосредственно (на выборах и референдумах) и через органы государственной власти и местного самоуправления.

СУВЕРЕНИТЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ (фр. *souverainete* – верховная власть) – полновластие нации, возможность самостоятельного политического самоопределения, а также исключительное право определять и изменять установленный конституционный строй.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ВОДЫ (лат. *territorium* – область, территория, от *terra* – земля, суша) – водное пространство в пределах границ государства, на которые распространяется его суверенитет. Морской территорией государства считается 12-мильная морская зона.

ТЕРРИТОРИЯ ГОСУДАРСТВА (лат. *territorium* – область, территория, от *terra* – земля, суша) – часть суши (материковая и островная), водного (внутренние и территориальные воды) и воздушного пространства, а также

приравненных к ним объектов, находящаяся под суверенитетом данного государства.

ФУТУРОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ (лат. *futurum* – будущее, греч. *logos* – учение) – область научного знания, связанная с исследованием перспектив развития социально-политических процессов.

ХАРТИЯ (греч. *chartion* – бумага) – в международном праве – декларация, политико-правовой документ, провозглашающий основные принципы организации и деятельности субъектов политических и правовых отношений; не имеет обязательной юридической силы.

ЭКСТРАДИЦИЯ (фр. *extradition*, от лат. *ex* – из, вне и *traditio* – передача) – выдача лица, совершившего преступление, одним государством другому для привлечения его к уголовной ответственности. Экстрадиция производится только в соответствии с международными договорами о взаимной выдаче.

ЭМБАРГО (исп. *embargo* – запрет) – политическое и экономическое влияние на государство путем ограничения или полного разрыва торгово-экономических связей с ним. Является распространенной формой политического давления на государства, представляющие угрозу для международной безопасности.

Источник: Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТА

Порядковый номер и тема работы	Краткое содержание работы
Тема 1. Значение теории и методологии в исследовании политических проблем мирового развития.	Знакомство с помощью предложенной учебной и справочной литературы с различными методами изучения международных отношений. Заполнение таблицы «Типология методов международно-политического анализа». Знакомство с выводами Р. Арона, касающимися периодизации исследований международных отношений. Проведение контент-анализа одного из современных международных конфликтов. Подготовка ответов на тестовые задания. Колобов О. А. Политология. Избранные труды / О. А. Колобов. – Н. Новгород: Вектор Тис, 2000. – С. 6–28. Объект, предмет и метод теории. Различные трактовки международных отношений как особого вида социальных отношений. Методологический плюрализм как отражение сложности исследуемых проблем и степени зрелости дисциплины. Концепции мировой политики в общей системе гуманитарного знания.
Тема 2. Спор рационализма и рефлексивизма в исследовании политических проблем мирового развития.	Знакомство с существующими парадигмами и теориями мировой политики. Изучение содержания таблицы в учебном пособии Цыганкова П. А. «Теория международных отношений» (М.: Гардарики, 2004, с. 116). Фиксация в конспекте ключевых вопросов международно-политической науки, по которым состоялись три «больших спора» между сторонниками различных теоретических течений. Подготовка ответов на тестовые задания. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2004. – С. 19–76. Уточнение основных понятий теории, освещение ее методологических проблем. Система международных отношений, их акторы, законы, регулятивные принципы. Критерии научной достоверности, принципы верификации и

	фальсификации в социальных исследованиях, аксиологическое, прагматическое и прогностическое измерения теории, перспективы ее развития.
Тема 3. Теоретические исследования мировой политики и международных отношений в США.	Анализ характерных особенностей, доминирующих теорий и новых направлений «американской школы». Изучение содержания таблицы в учебном пособии П. А. Цыганкова «Теория международных отношений» (М.: Гардарики, 2004, с. 163). Подготовка ответов на тестовые задания. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский, пер. с англ. О. Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с. Современная американская геополитика. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 1996. – 576 с. Современные американские исследования локальных цивилизаций. Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke Univ. Press, 2004. – 109 p. Развернутое обоснование мир-системного анализа в терминах политической экономии, геоэкономики и геокультуры.
Тема 4. Английская школа международных отношений.	Исследование особенностей формирования и развития «английской школы». Подготовка доклада об отдельных представителях английской школы международных отношений с характеристикой их теоретических концепций. Изучение содержания таблицы в учебном пособии П. А. Цыганкова «Теория международных отношений» (М.: Гардарики, 2004, с. 163). Подготовка ответов на тестовые задания. Составление справки о генетических связях между конструктивизмом и английской школой международных отношений: международное общество, политика идентичностей, социальное конструирование. Написание аналитической записки об английских исследованиях международной интеграции. Общественно-политические взгляды Д. Митрани, функционализм. Влияние английской школы

	международных отношений на мировоззрение Э. Хааса.
Тема 5. Франция: социология международных отношений.	Обзор преобладающих течений «французской школы» исследования мировой политики и международных отношений. Подготовка доклада об отдельных представителях «французской школы» с характеристикой их теоретических концепций. Подготовка ответов на тестовые задания. Написание эссе о влиянии теории Г. Моргентау на общественно-политические взгляды Р. Арона: этатизм, вопросы войны и мира, международная анархия. Моргентау Г. Международная политика / Г. Моргентау // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 501-507. Составление справки на тему: «Влияние европейской континентальной геополитики на мировоззрение Ш. де Голля». Движение «новых правых» во Франции: наука, идеология и политическая практика. Французские сторонники и критики атлантизма и мондиализма. Сравнение общественно-политических взглядов Ж. Аттали и Э. Шопрада в виде таблицы.
Тема 6. Развитие международных исследований в СССР и России.	Ознакомление с этапами формирования и развития советской международно-политической науки, спецификой соответствующих исследований в постсоветской России. Марксизм-ленинизм как мировоззренческая основа советских интерпретаций мировой политики. Методологический плюрализм в общественных науках: возможности и риски. Анализ интервью с П. А. Цыганковым «Международно-политическая наука в России». Подготовка к дискуссии о перспективах развития теории международных отношений в современной России. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 680-700. Российская геостратегическая мысль в контексте мировой международно-политической науки. Понятия локальной цивилизации, антропотока, этнокультурной плиты. Написание

	научных тезисов на тему: «Трактовка предмета и метода геополитики в трудах С. Б. Переслегина».
Тема 7. Геополитические мотивы в политических теориях мирового развития.	С использованием предложенной учебной и справочной литературы освоение начал классической геополитики, геοэкономики, основных течений критической геополитики. Подготовка обзорного доклада о содержании геополитических концепций и идей представителей западных школ политических исследований. Написание эссе на тему «Структурный подход в геополитике и теориях империализма». Мировое пространство и мировая экономика как качественные категории. Влияние социал-дарвинизма на первые геополитические школы. Рационализация и уточнение подхода в работах Х. Д. Макиндера. Понятия «географической оси истории», «внешнего и внутреннего полумесяцев», «стратегического и южного Хартлендов», сравнительно-исторический анализ различных типов мощи и мобильности, географический контекст российско-британских противоречий. Макиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 7-30.
Тема 8. Современные теории войны и мира.	Анализ учебных и справочных материалов для освоения основных понятий темы. Подготовка презентации к выступлению по следующим вопросам: 1. Типологии войн. Тенденции эволюции вооруженного насилия. 2. Концепции «вечного мира». 3. «Демократический мир»: аргументы за и против теории. Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 5th ed., rev. / H. J. Morgenthau. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – P. 4-15. Сила как относительная категория, военно-политический потенциал государства. Национальные интересы и национальная безопасность, шесть принципов политического реализма, баланс сил в его дипломатическом и военном аспектах, причины его сохранения и нарушения.

	Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – 251 p. – P. 161-193. Основы неореалистического подхода к вопросам войны и мира. Дегтерев Д. Теория игр и международные отношения / Д. Дегтерев, А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79–89. Теория игр как пример переноса методов точных наук в гуманитарные дисциплины. Kaplan M. A. The Systems Approach to International Politics / M. A. Kaplan // New Approaches to International Relations. – N. Y.: St. Martin's, 1968. – P. 381–404. Подробное обоснование модернистской методологии в анализе международных отношений.
Тема 9. Конкурирующие теории мирового порядка.	Изучение учебных и справочных материалов для овладения основами теории. Анализ статьи Ф. Фукуямы «Конец истории?» // Вопросы философии, 1990, № 3. Подготовка сообщения «Перспективы нового мирового порядка». С опорой на материал учебного пособия П. А. Цыганкова «Теория международных отношений» (М.: Гардарики, 2002, с. 484-492) заполнение таблицы: «Политологический и социологический подходы к проблеме международного порядка». Подготовка ответов на тестовые задания. Подготовка краткой справки об основных положениях неолиберализма и неореализма, возможности синтеза «нео-нео». Споры о роли и месте государства, акторов других типов, конфликте и сотрудничестве в современных международных отношениях. Сравнительная оценка силы, морали и права как факторов мировой политики. Структурный подход неореалистов и институциональный подход неолибералов: общее и различное. Структурные ограничения и принуждения, концепции «зрелой анархии» и взаимозависимости. Притязания конструктивизма на снятие противоречий между наиболее влиятельными теориями. Проблемы и перспективы формирования единой

	теории международных отношений. Цыганков П. А. Теория международных отношений: учеб. пособие / П. А. Цыганков. – М.: Гардарики, 2004. – С. 125–140.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ЗАДАНИЯ

Темы рефератов

1. Становление международно-политических исследований как самостоятельной научной дисциплины.
2. Спор рационализма и рефлексивизма в теории международных отношений.
3. Специфика рационализма и рефлексивизма как конкурирующих методологий международных исследований.
4. Постмодернизм в теории международных отношений.
5. Критическая теория общества: идейные истоки, основные положения, видные представители.
6. Конструктивизм: идейные истоки, основные положения, видные представители.
7. «Национальные школы» в международно-политических исследованиях.
8. Особенности американской школы международных исследований, ее крупнейшие представители.
9. Основные течения и доминирующие теории в американской науке международных отношений.
10. Достоинства и недостатки американских теорий мирового развития.
11. Особенности английской школы международных исследований, ее крупнейшие представители.
12. Основные положения и разновидности теории международного общества.
13. «Международное общество» и «мировое сообщество».
14. Специфика французской школы исследований международных отношений и мировой политики.
15. Основные этапы развития французской школы международных исследований, ее крупнейшие представители.
16. Приоритетная проблематика французской школы международных исследований.
17. Преобладающие течения в исследовании международных отношений и мировой политики в современной Франции.
18. Развитие международных исследований в СССР и России.
19. Особенности формирования и господствующие тенденции советской науки международных отношений.
20. Проблемы и перспективы международных исследований в постсоветской России.

21. Главные теоретические школы в российской науке международных отношений.
22. Реализм в российской теории международных отношений.
23. Либерализм в российской теории международных отношений.
24. Марксизм в российской теории международных отношений.
25. Ключевые проблемы науки международных отношений в XXI веке.
26. Эволюция теории «справедливой войны».
27. Социокультурные, цивилизационные и этнополитические причины вооруженных конфликтов современности.
28. Причины межгосударственных войн через призму различных исследовательских парадигм.
29. Исторические типы международного порядка и современный этап мирового развития.
30. Роль и место России в меняющемся мировом порядке.
31. Основные положения атлантизма.
32. Основные положения мондиализма.
33. Основные положения неоатлантизма.
34. Основные положения американской школы геополитики.
35. Проблемы и перспективы современных российско-американских отношений.
36. Проблемы и перспективы современных американо-китайских отношений.
37. Проблемы и перспективы современных американо-японских отношений.
38. Проблемы и перспективы современных американо-индийских отношений.
39. Внешнеполитическая концепция З. Бжезинского.
40. Внешнеполитическая концепция Г. Киссинджера.
41. Внешнеполитическая концепция Ф. Фукуямы.
42. Внешнеполитическая концепция С. Хантингтона.
43. Традиции и инновации во внешней политике США.
44. Никколо Макиавелли как предтеча политического реализма.
45. Международно-правовые взгляды Гуго Гроция.
46. Теория государства и права Томаса Гоббса.
47. Идея «вечного мира» по Иммануилу Канту.
48. Буржуазно-демократические тенденции французского Просвещения.
49. Борьба идей в ходе Великой французской революции.
50. Утопический социализм Р. Оуэна и Ш. Фурье.
51. Консерватизм Л. Бональда, Ж. де Местра и Э. Берка.

52. Теория государства и права Г. Гегеля.
53. Гуманистические тенденции в творчестве Л. Фейербаха.
54. Индивидуалистический анархизм М. Штирнера.
55. Классовый подход в общественно-политическом учении К. Маркса и Ф. Энгельса.
56. Теория прав человека в эпоху буржуазных революций.
57. Славянофилы и западники в спорах о будущем России.
58. Общественно-политические взгляды А. Герцена.
59. Немецкая социал-демократия в империи Гогенцоллернов.
60. Теория и практика монархизма в XVIII-XIX вв.
61. Парижская коммуна в оценках современников.
62. Интеллектуальные истоки политических теорий мирового развития.
63. Нормативный подход в традиционной истории дипломатии.
64. Геополитика Х. Д. Макиндера.
65. Геополитика А. Т. Мэхэна.
66. Марксистские теории империализма.
67. Немарксистские теории империализма.
68. Политический идеализм В. Вильсона.
69. Категория силы в работах Г. Моргентау.
70. Категория национального интереса в работах Г. Моргентау.
71. Радикальная парадигма международных отношений.
72. Математические и естественнонаучные методы в теории международных отношений.
73. Первый «большой спор» в теории международных отношений.
74. Второй «большой спор» в теории международных отношений.
75. Третий «большой спор» в теории международных отношений.
76. Проблемы классификации акторов международных отношений.
77. Мораль и право в международных отношениях.
78. «Жесткая», «мягкая» и «умная» сила в международных отношениях.
79. Системный подход к изучению международных отношений.
80. «Столкновение цивилизаций» по С. Хантингтону.
81. «Конец истории» по Ф. Фукуяме.

Индивидуальное творческое задание по дисциплине

Написать аналитическую записку, раскрывающую методiku и методологию курсовой работы студента.

Законспектировать следующие работы:

1. Дегтерев Д. Теория игр и международные отношения / Д. Дегтерев, А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79-89.

2. Макиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 7-30.

3. Най Д. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Д. Най // Свободная мысль-XXI. – 2004. – № 10. – С. 20-24.

4. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 700-731.

5. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 680-700.

6. Цыганков П. А. Природа и закономерности международных отношений / П. А. Цыганков // Современные международные отношения / под ред. А. В. Торкунова. – М., 2000. – С. 9-37.

7. Цымбурский В. Л. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Л. Цымбурский // Русский Архипелаг: сайт. – URL: <http://www.archipelag.ru/authors/cimbursky/?library=2465> (дата обращения: 17.03.2015).

8. Kaplan M. A. The Systems Approach to International Politics / M. A. Kaplan // New Approaches to International Relations. – N.Y.: St. Martin's, 1968. – P. 381-404.

9. Morgenthau H. J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. 5th ed., rev. / H. J. Morgenthau. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – P. 4-15.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемое учебное пособие «Актуальные политические теории мирового развития» содержит основные сведения по всем темам учебной дисциплины. Оно помогает студенту рационально и эффективно организовать освоение учебного материала, облегчить приобретение умений, навыков и компетенций, перечисленных в рабочей программе дисциплины. Дается общее представление о категориальном аппарате и внутренней структуре теории, прослеживается противоречивый путь ее поступательного развития.

Ряд проблем, сформулированных в рамках политических теорий мирового развития, все еще ждут своего решения. Так, остаются неясными перспективы формирования единого подхода, продолжаются споры относительно объекта, предмета и метода дисциплины, ее места в общей системе гуманитарного знания. Национальные школы международных исследований нередко не могут преодолеть концептуальные и аксиологические разногласия, мешающие им достичь взаимопонимания по ключевым мировоззренческим вопросам. Все это требует от специалиста непрерывного самообразования, умения ориентироваться не только в устоявшихся теориях, но и в дискуссионных гипотезах, выдвигаемых на передний край развития дисциплины.

Дальнейшее изучение предмета предполагает глубокую проработку рекомендуемой научной литературы, проведение самостоятельных исследований проблемных вопросов, не нашедших пока удовлетворительных ответов. Кроме того, при освоении других учебных дисциплин нужно по возможности проследить их связи с политическими теориями мирового развития, стремиться к созданию единого концептуального контекста, необходимого для правильного решения важнейших международно-политических проблем. Перспективы совершенствования рассматриваемой учебной и научной дисциплины по-разному оцениваются ведущими специалистами. Некоторые утверждают, что она стоит на пороге обретения подлинной зрелости, другие смотрят на магистральное направление ее эволюции с известной долей скепсиса. Впрочем, чтобы сформировать осознанное отношение к данной дискуссии, необходимо максимально полно овладеть концептуальным аппаратом дисциплины в его современном виде.

Актуальные политические теории мирового развития имеют ключевое значение для овладения материалом таких дисциплин, как «Политические проблемы международной системы» и целый ряд других. Они дают углубленное понимание многих тем, изучаемых в рамках курсов «Теория международных отношений», «Основы геополитики и геостратегии», «Теория цивилизаций». Соответственно, всестороннее методическое обеспечение

преподавания данного курса представляется в высшей степени актуальной задачей. Настоящее пособие может быть полезно как преподавателям высших учебных заведений, так и студентам, нацеленным на самостоятельное углубленное овладение дисциплиной, систематическое выявление ее связей с другими направлениями исследований.

Необходимо также сделать несколько методологических замечаний, призванных облегчить студентам дальнейшее освоение теории. Теория международных отношений является относительно молодой дисциплиной. Согласно наиболее распространенному мнению, она сформировалась на рубеже XIX-XX вв., когда устаревший, чисто описательный подход традиционной истории дипломатии был раскритикован сторонниками структурного анализа международных отношений. Тогда возникли две его версии – теории империализма и геополитика. Именно в преддверии Первой мировой войны, после «закрытия мирового пространства» вырос спрос на квалифицированный анализ международных отношений.

Согласно другой версии, теория международных отношений возникла в 50-е гг. XX в., когда модернисты раскритиковали так называемые «традиционные» школы (политический реализм, политический идеализм, неомарксизм). Модернисты выступали за придание теории международных отношений подлинной научной строгости за счет использования математических и естественнонаучных методов анализа. Модернизм как комплексная исследовательская программа не оправдал возлагавшихся на него надежд, но его частные достижения существенно повлияли на дальнейшее развитие дисциплины.

Сегодня продолжают споры о специфике международных отношений как разновидности общественных отношений. Проблемное поле дисциплины очерчено недостаточно четко, остается открытым вопрос, располагает ли она специфическими методами исследования, не имеющими прямых аналогов в истории, политологии, социологии. Кроме того, сегодня уместнее говорить о теориях международных отношений, чем о единой теории. Хотя в последнее время наметился синтез неолиберализма и неореализма, сохраняется большое количество расхождений между ведущими теоретиками. Наконец, не до конца выяснено соотношение между самой дисциплиной и историей ее развития: критерий прогресса не всегда применим к смене парадигм международных отношений.

В 1950-х гг. шел второй «большой спор» в теории международных отношений. Модернисты раскритиковали «традиционализм» (в данное понятие они включали политический реализм, политический идеализм и неомарксизм) за приверженность интуитивно-логическим методам исследования, не

соответствующим наиболее строгим критериям научной достоверности. Сторонники нового подхода призывали к активному применению математических и естественнонаучных методов исследования, к созданию единой доказательной теории.

Озвученная модернистами критика во многом была верной, однако их собственная исследовательская программа не оправдала связывавшихся с ней ожиданий. Теоретики новой школы часто приходили к разным, взаимоисключающим и даже диаметрально противоположным выводам. В некоторых случаях контраргументы «традиционалистов» оказывались весомее. Известный британский ученый Х. Булл считал, что склонные к формализации модернисты неправильно понимают сам предмет исследования.

Несмотря на свои очевидные недостатки, модернизм сделал весомый вклад в теорию международных отношений. Столкнувшись с его критикой, «традиционалисты» были вынуждены пересмотреть ряд своих концепций. Политический реализм эволюционировал в неореализм, политический идеализм – в неолиберализм. Ученые стали внимательнее к структурным особенностям международных отношений, системный подход получил более широкое распространение.

Сегодня математические методы достаточно широко применяются в общественных науках, однако с ними, как правило, уже не связывают чрезмерных ожиданий. Пришло более глубокое понимание специфики гуманитарного знания, была отточена методика междисциплинарных исследований.

Наконец, нужно дать краткий обзор таких понятий, как фактор и актор международных отношений, а также системный характер мировой политики. Актор международных отношений – это их субъект, действующее лицо, тот, кто влияет на них, играет в них активную роль.

Классический политический реализм, по сути, сводил международные отношения к межгосударственным, а акторов других типов, как правило, оставлял без рассмотрения. После Второй мировой войны появились влиятельные международные межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации и индивиды получили более широкие возможности участвовать в международных отношениях. Теоретики были вынуждены расширить список акторов и пересмотреть сравнительную оценку их международно-политического влияния.

Сегодня и неолибералы, и неореалисты относят к акторам международных отношений государства, международные межправительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, некоторые национально-освободительные

движения и международные преступные группировки, общины (коммуны), индивидов. Неореалисты считают, что все негосударственные акторы сильно отстают по уровню мощи от государства, неолибералы же считают данный разрыв небольшим. При этом и те, и другие рассматривают межгосударственные отношения как ядро международной жизни в целом.

Роль государства в современных международных отношениях заметно меняется. С одной стороны, растет число трансграничных взаимодействий, которые оно не может прямо контролировать, интеграционные процессы ограничивают его суверенитет, сужают пространство доступных решений. С другой стороны, многие люди по всему миру рассматривают свои государства как единственную силу, способную обеспечить их безопасность в стремительно меняющемся, полном вызовов и угроз мире. Таким образом, рано говорить об «отмирании» государства, его вытеснении другими акторами международных отношений.

Любая система состоит из элементов и отношений между ними. Элементами системы международных отношений являются государства и акторы других типов, их отношения могут иметь характер сотрудничества, соперничества, конфликта.

В 1648 г. возникла Вестфальская система международных отношений – первая, способная претендовать на подлинно глобальный статус. Она была многополярной и основывалась на принципе баланса сил, противодействия гегемонизму отдельных государств. «Дипломатическая революция» и Семилетняя война поколебали ее основы. Великая французская революция, революционные войны Франции и Наполеоновские войны ниспровергли старый миропорядок. В 1815 г. оформилась новая – Венская – система международных отношений, которая подарила Европе почти столетие относительной стабильности. Однако в Европе XIX века наблюдался рост национализма в политике и протекционизма в экономике, противоречия между великими державами постепенно обострялись. Первая мировая война подвела черту под эпохой «Европейского концерта».

Версальско-Вашингтонский порядок (1922-1939 гг.) никогда не был стабильным, его погубили несправедливость послевоенного урегулирования, экономические проблемы, противоречия между ревизионистскими державами и державами статус-кво, подъем тоталитарных режимов. Вскоре после разгрома фашизма началась «холодная война» между США и СССР, продолжавшаяся более четырех десятилетий. В 1991 г. Организация Варшавского договора была распущена, а СССР распался. В 1990-е гг. мир был квазиоднополярным, поскольку не существовало симметричных вызовов американской мощи. Сегодня человечество живет в условиях незрелой многополярности и кризиса

американского влияния. Решить глобальные проблемы можно только совместными усилиями большинства государств мира, отдельно взятая страна (даже сверхдержава) не сможет самостоятельно справиться с ними.

С точки зрения политического реализма, сила является главным фактором международных отношений. Любое государство стремится выжить, обеспечить собственную безопасность и нарастить свою мощь. В достижении данных целей оно, в конечном счете, может полагаться только на себя. Мораль и право не являются эффективными регуляторами международных отношений. Перечисленные убеждения реалистов основаны на представлении, что человек по своей природе зол, властолюбив, эгоистичен.

Политические идеалисты, напротив, верили в изначально добрую природу человека. Они считали, что глобальная система коллективной безопасности позволит полностью исключить войну из арсенала международной политики, что отношения между государствами возможно удержать в рамках, определенных моралью и правом. Лига наций не оправдала возложенных на нее надежд, что нанесло классическому политическому идеализму сокрушительный удар.

В эпоху «холодной войны» было переосмыслено само понятие силы как фактора международных отношений. Если реалисты понимали под силой только военно-экономический потенциал государства, то неолиберальный теоретик Д. Най ввел понятие «мягкой силы», не связанной с принуждением, основанной на привлекательности политических институтов, ценностей, культуры той или иной страны. В дальнейшем была разработана концепция «мягкой силы», объединяющей черты «умной» и «жесткой».

В современном международном праве есть ряд «серых зон», например, неясным остается соотношение права наций на самоопределение и принципа территориальной целостности государства. Некоторые влиятельные страны проводят политику двойных стандартов, намеренно используя данные «серые зоны» в своих интересах. Они же препятствуют объективной критике своих действий, манипулируя мировым общественным мнением.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Баженов А. М. Социология международных отношений: учеб. пособие / А. М. Баженов. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 300 с.
2. Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. – М., 2002. – 380 с.
3. Теория международных отношений: учеб. для академ. бакалавриата / П. А. Цыганков [и др.]; под ред. П. А. Цыганкова // Бакалавр. Академический курс. – М.: Юрайт, 2015. – 316 с.
4. Теория международных отношений: учеб. пособие. В 2 т. Т. 1. Эволюция концептуальных подходов / под общ. ред. О. А. Колобова. – Н. Новгород: ФМО ННГУ, 2004. – 393 с.
5. Цыганков А. П. Социология международных отношений. Анализ российских и западных теорий: учеб. пособие / Цыганков А. П., Цыганков П. А. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 241 с.

Дополнительная

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Азаров В. Н. Европа в 1871-1900 гг.: политическое равновесие или подготовка к войне? / В. Н. Азаров // Научный диалог. – 2014. – № 5 (29). – С. 90–99.
3. Алексеева Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 623 с.
4. Аристотель. Политика / Аристотель; пер. С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова // Philosophy. – М.: АСТ, 2002. – 393 с.
5. Балынская Н. Р. Субъекты современной медиа-политики / Н. Р. Балынская, Т. П. Рахлис // Символ науки. – 2016. – №1-3. – С. 215–216.
6. Барановский В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. В 2 ч. Часть I / В. Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 36–44.
7. Барановский В. Г. Основные параметры современной системы международных отношений. В 2 ч. Часть II. Качественные параметры / В. Г. Барановский // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 63–73.
8. Бек У. Что такое глобализация? / У. Бек / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.

9. Бобыло А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий / А. М. Бобыло // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 129–135.
10. Богатуров А. Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. – М.: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям, 2002. – 384 с.
11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Технология свободы. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
12. Братерский М. В. Концепция «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М. В. Братерский, А. С. Скриба // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 130–144.
13. Буряк М. А. Медиафера: концептуализация понятия / М. А. Буряк // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2014. – № 2. – С. 200–212.
14. Бьюкенен П. Правые и не-правые / П. Бьюкенен / [пер. с англ. К. Ковешникова]. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 348, [4] с.
15. Василенко И. А. Значение публичной дипломатии в имиджевой политике России / И. А. Василенко // Власть. – 2015. – № 2. – С. 48–53.
16. Вольфсон Ю. Р. Визуальное восприятие в современном обществе или куда движется галактика Гуттенберга? / Ю. Р. Вольфсон, А. Е. Вольчина // Современные исследования социальных проблем. – 2015. – № 4 (48). – С. 177–189.
17. Гаджиев К. С. Геополитика: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / К. С. Гаджиев // Основы наук. – М.: Юрайт, 2011. – 479 с.
18. Гаджиев К. С. Политическая наука / К. С. Гаджиев. – М.: Междунар. отношения, 1995. – 398 с.
19. Графский В. Г. История политических и правовых учений: учеб. для вузов / В. Г. Графский. – М.: Проспект, 2006. – 596 с.
20. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2006. – 511 с.
21. Давыдов Ю. П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях / Ю. П. Давыдов // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 1. – С. 3–24.
22. Давыдов Ю. П. Стратегические культуры США и Европы / Ю. П. Давыдов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 3. – С. 48–70.
23. Дегтерев Д. Теория игр и международные отношения / Д. Дегтерев, А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 2. – С. 79–89.

24. Евдокимов Е. В. «Народная дипломатия» КНР. Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды / Е. В. Евдокимов // Вестник МГИМО Университета. – 2011. – № 3. – С. 285–289.
25. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти. Географические образы в политике и международных отношениях / Д. Н. Замятин. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. – 352 с.
26. Иванов С. А. Информационная война: сущность и основные формы проявления / С. А. Иванов // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4 (80). – С. 276–279.
27. Кагарлицкий Б. Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б. Ю. Кагарлицкий // Политическая теория. – М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
28. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
29. Киссинджер Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – М.: АСТ, 2016. – 512 с.
30. Коновалова О. А. Основные приоритеты в российско-германских отношениях в 1990-2000-е годы / О. А. Коновалова // Вестник Российского университета дружбы народов (серия «Международные отношения»). – 2012. – № 4. – С. 40–46.
31. Концевая Н. А. Паблик рилейшнз и ее особая сфера – публичная дипломатия: парадигмы изучения / Н. А. Концевая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 10-1. – С. 80–83.
32. Косачев К. И. «Мягкая сила» России: теория и реальность / К. И. Косачев // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 7–9.
33. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. – М.: Дело; РАНХиГС, 2012. – 272 с.
34. Крутских А. В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности / А. В. Крутских // Международные процессы. – 2007. – № 1 (5). – С. 28–37.
35. Лебедева М. М. Мировая политика: учеб. для бакалавров / М. М. Лебедева. – М.: КноРус, 2016. – 253 с.
36. Лебедева М. М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич // Вестник МГИМО Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 10–13.
37. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма (популярный очерк) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 27. – С. 299–426.

38. Лунёв С. И. «Мягкая сила» России в Азии / С. И. Лунев // Безопасность Евразии. – 2009. – № 3 (37). – С. 367–376.
39. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли; пер. с итал. К. А. Тананушко. – Минск: Харвест, 2004. – 703 с.
40. Макиндер Х. Д. Географическая ось истории / Х. Д. Макиндер // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 7–30.
41. Маруев А. Ю. Информационная безопасность России и основы организации информационного противоборства / А. Ю. Маруев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2010. – № 1. – С. 47–54.
42. Марчуков А. Н. «Публичная дипломатия 2.0» во внешнеполитической деятельности РФ / А. Н. Марчуков // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. – 2014. – № 5. – С. 90–105.
43. Минасян С. М. Мировой опыт принятия концепции национальной безопасности / С. М. Минасян // 21-й век. – 2006. – №2 (4). – С. 78–110.
44. Моргентау Г. Международная политика / Г. Моргентау // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 501–507.
45. Най Д. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике / Д. Най; пер. с англ. В. И. Супруна. – М.: Тренд, 2006. – 191 с.
46. Най Д. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Д. Най // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 10. – С. 20–24.
47. Насыров И. Р. Информационно-аналитическая работа в структуре международной деятельности регионов / И. Р. Насыров // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2007. – № 3. – С. 85–99.
48. Никольсон Г. Дипломатия / Г. Никольсон; пер. с англ. Л. А. Гашкеля. – М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 1941. – 154 с.
49. Павлов Н. В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире / Н. В. Павлов. — М.: Наука. – 2005. – 410 с.
50. Панарин И. Н. Информационная война и дипломатия / И. Н. Панарин. – М.: Городец, 2004. – 528 с.
51. Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика / И. Н. Панарин. – М.: Телеком, 2006. – 264 с.
52. Переслегин С. Б. Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С. Б. Переслегин // Philosophy. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА; СПб.: Terra Fantastica, 2010. – 570, [6] с.
53. Переслегин С. Б. Вторая мировая: война между Реальностями / С. Б. Переслегин. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – 544 с.

54. Переслегин С. Б. Первая мировая. Война между реальностями / С. Б. Переслегин // Война и мы. – М.: Яуза-каталог, 2016. – 512 с.
55. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 700–731.
56. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики / С. Б. Переслегин // Классика геополитики. XIX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 680–700.
57. Рахимов К. Х. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как международная межправительственная организация / К. Х. Рахимов // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 1 (116). – С. 46–51.
58. Романова Е. В. Трактовки «европейского концерта» в британской и американской историографии / Е. В. Романова // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 1 (46). – С. 7–17.
59. Самохвалова В. И. Специфика современной информационной войны: средства и цели поражения / В. И. Самохвалова // Философия и общество. – 2011. – № 3. – С. 54–73.
60. Смирнов П. Е. Центральная и Восточная Европа между США и ЕС / П. Е. Смирнов // Канада – США: политика, культура, идеология. – 2005. – № 8. – С. 34–56.
61. Смит Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Д. Смит; пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
62. Современные международные отношения: учеб. / под. ред. А. В. Торкунова. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1999. – 584 с.
63. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/424>. – Дата обращения: 23.07.2019.
64. Стрелков А. А. Возможности и границы применения принципа политической обусловленности во внешней политике Европейского союза: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / А. А. Стрелков. – М.: Институт Европы РАН, 2009. – 290 с.
65. Теория международных отношений на рубеже столетий / под ред. К. Буса и С. Смита: пер. с англ.; общ. ред. и предисл. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – 364 с.
66. Торкунов А. В. По дороге в будущее / А. В. Торкунов. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 476 с.

67. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер // *Philosophy*. – М.: АСТ, 2003. – 669, [3] с.
68. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460>. – Дата обращения: 23.07.2019.
69. Фененко А. В. Современная история международных отношений: 1991–2018: учеб. пособие / А. В. Фененко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 455 с.
70. Фокина В. В. СМИ как акторы мировой политики / В. В. Фокина // *Вестник МГИМО Университета*. – 2013. – № 1 (28). – С. 61–65.
71. Цыганков П. А. Природа и закономерности международных отношений / П. А. Цыганков // *Современные международные отношения* / под ред. А. В. Торкунова. – М., 2000. – С. 9–37.
72. Цымбурский В. Хэлфорд Макиндер: трилогия хартленда и призвание геополитика / В. Цымбурский // *Космополис*. – 2007. – № 16. – Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=358> (дата обращения: 10.12.2019).
73. Чанышев А. А. История политических и правовых учений: учеб. / А. А. Чанышев. – М.: Проспект, 2006. – 591 с.
74. Чеботарев Н. Ф. Мировая экономика и международные экономические отношения: учеб. для бакалавров / Н. Ф. Чеботарев. – М.: Дашков и К, 2016. – 352 с.
75. Шамугия И. Ш. Публичная дипломатия России: становление и развитие / И. Ш. Шамугия // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. – 2016. – № 7. – С. 115–122.
76. Шатило Я. С. Информационная война третьего поколения / Я. С. Шатило // *Информационная безопасность регионов*. – 2009. – № 1 (4). – С. 42–45.
77. Шатило Я. С. Информационные войны / Я. С. Шатило, В. Н. Черкасов // *Информационная безопасность регионов*. – 2009. – № 2 (5). – С. 44–51.
78. Щедровицкий Г. П. Проблемы методологии системного исследования / Г. П. Щедровицкий. – М.: Знание, 1964. – 46 с.
79. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР / Н. Н. Яковлев. – М.: Правда, 1983. – 464 с.
80. Adriaans P. Information / P. Adriaans // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – Retrieved from: <https://plato.stanford.edu/entries/information/>. – Accessed on: 23.07.2019.
81. Agnew J. Geopolitics. Re-visioning World Politics / J. Agnew. – Taylor & Francis e-Library, 2003. – 150 p.

82. Brzezinski Z. *America and the World: Conversations on the Future of American Foreign Policy* / Z. Brzezinski. – N. Y.: Basic Books, 2008. – 291 p.
83. Brzezinski Z. *Balancing the East, Upgrading the West* / Z. Brzezinski // *Foreign Affairs*. – January 2012. – Retrieved from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2011-12-13/balancing-east-upgrading-west>. – Accessed on: 12.10.2017.
84. Brzezinski Z. *Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower* / Z. Brzezinski. – N.Y.: Basic Books, 2007. – 234 p.
85. Brzezinski Z. *Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power* / Z. Brzezinski. – N. Y.: Basic Books, 2012. – 224 p.
86. Buchanan P. J. *The Death of the West*. – N.Y.: St. Martin's Griffin, 2001. – 320 p.
87. Cohen S. B. *Geography and politics in a world divided* / S. B. Cohen. – 2nd edition. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1974. – 356 p.
88. Cook C. *Anti-Americanism, World Politics, and German-U.S. Relations* / C. Cook // Thesis for the Degree of Master of Arts in Political Science. – Blacksburg: Virginia Polytechnic Inst. and State Univ., 2007. – 134 p.
89. Debord G. *Comments on "The society of spectacle"* / G. Debord. – London: Verso, 1990. – 94 p.
90. Churchill W. S. *The Second World War* / W. S. Churchill. – London: Cassel, 1965. – Vol. 1. – 724 p.
91. De Benoist A. *Nicht nur in der Epoche geirrt* / A. de Benoist // *Junge Welt*. – 2005. – № 5. – S. 31–32.
92. Detlefs G. *Deutschlands Herausforderung im Zeitalter der Globalisierung: Geopolitik für das 21. Jahrhundert* / G. Detlefs. – Tübingen: Hohenrain-Verlag, 1998. – 224 s.
93. Eberwein W.-D. *Germany's new foreign policy: decision-making in an interdependent world* / ed. by W.-D. Eberwein and K. Kaiser. – N.Y.: Palgrave, 2001. – 326 p.
94. Elsässer J. *Nationalstaat und Globalisierung* / J. Elsässer. – Leipzig: Manuscriptum Verlagsbuchhandlung, 2009. – 101 s.
95. Emmes M. P. *Die Außenpolitiken der USA, Japans und Deutschlands im wechselseitigen Einfluß von der Mitte des 19. bis Ende des 20. Jahrhunderts* / M. P. Emmes. – London: Lit, 2000. – 256 s.
96. *Encyclopedia of World History* / comp. and ed. by William L. Langer. – Boston: Houghton Mifflin, 1952. – 1243 p.
97. Fukuyama F. *America at the Crossroads: Democracy, Power, and the Neoconservative Legacy* / F. Fukuyama. – New Haven: Yale Univ. Press, 2006. – 264 p.

98. Kissinger H. *On China* / H. Kissinger. – N. Y.: Penguin Books, 2012. – 624 p.
99. Kissinger H. *World Order* / H. Kissinger. – N. Y.: Penguin Press, 2014. – 432 p.
100. Krotz U. *National role conceptions and foreign policies: France and Germany compared* / U. Krotz. – Cambridge: Harvard University Press, 2001. – 36 p.
101. Larsen H. *A global military actor?* / H. Larsen // *Cooperation and conflict*. – 2002. – Vol. 37. – Issue 3. – P. 283–302.
102. Mackinder H. J. *The Geographical Pivot of History* / H. J. Mackinder // *Geographical Journal*. – 1904. – Vol. 23. – № 4. – P. 421–437.
103. Mankoff J. *Russian Foreign Policy: The Return of Great Power Politics* / J. Mankoff // *Council on Foreign Relations Books*. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. – 372 p.
104. Markowsky G. *Claude Shannon* / G. Markowsky // *Encyclopaedia Britannica*. – Retrieved from: <https://www.britannica.com/biography/Claude-Shannon>. – Accessed on: 23.07.2019.
105. Martens S. *German Russian policy: between expectancy and pragmatism* / S. Martens // *Revue Internationale et Strategique*. – 2009. – Vol. 74. – No. 2. – P. 60–73.
106. Maull H. W. *Germany and Japan: The new civilian powers* / H. W. Maull // *Foreign Affairs*. – 1990. – Vol. 69. – No.5. – P. 91–106.
107. Maull H. W. *Germany's uncertain power. Foreign policy of the Berlin Republic* / H. W. Maull. – New York: Palgrave Macmillan, 2006. – 312 p.
108. Maull H. W. *Globalization and German Foreign Policy* / H. W. Maull // *Internationale Politik und Gesellschaft*. – Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachfolger, 2011. – № 2. – S. 148–161.
109. McLuhan H. M. *Understanding Media: The Extensions of Man* / H. M. McLuhan. – N.Y.: McGraw Hill, 1964. – 318 p.
110. Mingst K. *Essence of International Relations* / K. Mingst. – N. Y.: W. W. Norton, 1999. – 297 p.
111. Morgenthau H. J. *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace* / H. J. Morgenthau. – 5th edition, rev. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1978. – P. 4–15.
112. Nicholson M. *International Relations: A Concise Introduction* / M. Nicholson. – N. Y.: New York Univ. Press, 1998. – 212 p.
113. Rahr A. *Der kalte Freund* / A. Rahr. – München: Hanser-Wirtschaft Verlag, 2011. – 352 s.
114. Rahr A. *Kein Europa ohne Russland* / A. Rahr // *Internationale Politik*. – 2009. – No.1. – S. 45–50.

115. Rahr A. Putin nach Putin. Das kapitalistische Russland am Beginn einer neuen Weltordnung / A. Rahr. – München: Universitas Verlag, 2009. – 296 s.
116. Rahr A. Russland gibt Gas. Die Rückkehr einer Weltmacht / A. Rahr. – München: Hanser-Wirtschaft Verlag, 2008. – 288 s.
117. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab / T. Sarrazin. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2009. – 464 s.
118. Schild J. Den Rhein vertiefen und erweitern? Deutsch-französische Beziehungen nach dem Nizza-Gipfel / J. Schild // Aktuelle Frankreich-Analysen. – Berlin: Deutsch-französisches Institut, 2001. – № 17. – 12 s.
119. Szabo S. F. Parting Ways. The Crisis in German-American relations / S. F. Szabo. – Washington, D.C.: Brookings institution press, 2004. – 195 p.
120. Wallerstein I. World-systems analysis. An introduction / I. Wallerstein. – Durham and London: Duke Univ. Press, 2004. – 109 p.
121. Waltz K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. – Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publ. Co, 1979. – 251 p.
122. Wipperfürth C. Russlands Außenpolitik: Lehrbuch / C. Wipperfürth // Elemente der Politik. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2011. – 151 s.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Библиотека Гумер – гуманитарные науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/>, свободный. – Заглавие с экрана.
2. Военная Литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.militera.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
3. Донецкая республиканская универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib-dpr.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
4. Журнал «Международная жизнь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
5. Журнал «Международные процессы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
6. ИА REGNUM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
7. Издательство «Международные отношения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inter-rel.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
8. ИНОСМИ.РУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.

9. Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
10. Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/>, свободный. – Заглавие с экрана.
11. Министерство иностранных дел Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mid-dnr.su/ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
12. Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/home>, свободный. – Заглавие с экрана.
13. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
14. Научная электронная библиотека eLibrary.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
15. Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
16. Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://odkb-csto.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
17. Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/index.html>, свободный. – Заглавие с экрана.
18. Проектная группа «Знаниевый реактор» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://znatech.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
19. РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
20. Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
21. Секретариат Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.sectesco.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
22. СИНЬХУА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russian.xinhuanet.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
23. Совет Безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
24. ТАСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.

25. Электронно-библиотечная система Донецкого национального университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.donnu.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
26. BBC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
27. BRICS Information Portal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://infobrics.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
28. CNN [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://edition.cnn.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
29. Directory of Open Access Journals [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doaj.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
30. disserCat – электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
31. Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
32. European Union [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://europa.eu/>, свободный. – Заглавие с экрана.
33. Foreign Affairs [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
34. FP [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
35. Internet Archive [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
36. Internet Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iep.utm.edu/>, свободный. – Заглавие с экрана.
37. iPolitics.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipolitics.ru/>, свободный. – Заглавие с экрана.
38. JSTOR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jstor.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
39. North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nato.int/>, свободный. – Заглавие с экрана.
40. Project Gutenberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
41. RAND Corporation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rand.org/>, свободный. – Заглавие с экрана.
42. Reuters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
43. RT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rt.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.

44. Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/>, свободный. – Заглавие с экрана.
45. The Diplomat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thediplomat.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.
46. The Economist [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economist.com/>, свободный. – Заглавие с экрана.

Учебное издание

Кухтин Михаил Михайлович

Актуальные политические теории мирового развития: учебное пособие

Редактор